

ИРМАТА АРЪЯР

16+

• ЛОРДЫ ГОР •
ОГНЕННАЯ
КРОВЬ

Лорды гор

Ирмата Арьяр

Лорды гор. Огненная кровь

«Автор»

2016

Арьяр И.

Лорды гор. Огненная кровь / И. Арьяр — «Автор»,
2016 — (Лорды гор)

Легко ли быть королем, если ты - девушка, и твой враг знает правду? Враг, который всегда рядом и ждет лишь ошибки, чтобы уничтожить тебя и забрать дар «огненной крови». А ошибиться легко: ты еще неопытный игрок, твоя душа не искушена в придворных интригах, и юное сердце жаждет любви, а не войн. Но не зря же тебя учил лучший из воинов и лучший из магов, и ты зашла слишком далеко, чтобы отступить.

Содержание

Часть первая. Тайная жизнь короля. Глава 1. Король умер, да здравствует узурпатор!	6
Глава 2. Белокурые бестии	13
Глава 3. Огненное испытание	21
Глава 4. Фантомы и отражения	28
Глава 5. Тайное воинство	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирмата Арьяр

Лорды гор. Огненная кровь

*С благодарностью к моим читательницам и вдохновительницам
Ирине Свешиниковой, Ирине Московченко, Ирине Зволинской за критику,
поддержку и вдохновение.*

Автор

Часть первая. Тайная жизнь короля. Глава

1. Король умер, да здравствует узурпатор!

Счастливы те, у кого все получается с первого раза: и дело, и любовь, и жизнь. Мне не так повезло: даже жизнь у меня получилась лишь со второго раза. Парадокс? Нет, всего лишь магия.

Конечно, мое тело – то бледное, зеленоглазое и черноволосое существо, известное в хрониках как король Лэйрин Роберт Даниэль Астарг фьерр Ориэдра, унаследовавший трон государства Гардарунт, – вполне родилось.

Оно жило, дышало и мыслило, иногда даже здраво, вот уже шестнадцать лет и семь месяцев.

Оно просыпалось на заре и брело на тренировку с вейриэном Таррэ, высшим мастером меча и магии.

Оно принимало послов и просителей, под указку Регентского совета вершило судьбы народа, еще не смирившегося с потерей их обожаемого короля Роберта Сильного.

Но я, именно я, Лэйрин, дочь белой горной волшебницы леди Хелины и темного владыки Азархарта, еще только мучительно рождалась внутри коронованной оболочки, стараясь ничем не выдать себя под пристальными взглядами придворных и особенно телохранителей – четверки высших вейриэнов Белогорья.

Это было тяжело.

Насколько тяжело, никто не должен был знать. Как и о том, что король Лэйрин – девушка.

Но моя женская природа, которую я и матушка старались скрыть долгие годы, с самого рождения, мстила теперь стократ, прорываясь вопреки моей воле и зельям, которыми я глушила свою женственность, тугим повязкам на груди и иллюзии ниже пояса.

И виной тому – «огненная кровь», сжигавшая яды и разрушавшая иллюзии. Порой мне казалось – вместе с рассудком.

Все, что случилось со мной в течение сорока дней после Ночи Святых Огней, иначе как умопомрачением я теперь назвать не могу.

Оно и неудивительно: столько пережить за одну ночь – бой с Темной страной, предательство лучшего друга, смерть единственного покровителя и короля Роберта, хлынувший в сердце и душу огненный дар – и устоять может только герой, а я к таковым не отношусь.

Не зря мою коронацию откладывали, пока придворные не убедились, что наследный принц Лэйрин Роберт Даниэль Астарг фьерр Ориэдра, то есть я, принял дар и выжил, к огорчению многих.

Откладывали бы и дальше, до окончания траура по королю Роберту, но герцог Холле настоял: слишком опасно оставлять трон Гардарунта без короля, того и гляди, государство рухнет. Этого ли добиваются сиятельные лорды? Авторитет у старика был – не чета моему. И Регентский совет нехотя, кривясь, назначил день коронации. Никто не хотел быть обвиненным в измене.

Внезапное решение сыграло добрую службу: мои враги не успели подготовиться. Будь у них больше времени, я бы не писала сейчас эти строки.

* * *

Короновали меня через неделю после смерти Роберта Сильного, в солнечный и удивительно теплый для разгара зимы день. Такие аномально жаркие дни стали уже обыденностью после ночи Святых Огней – холода отступили вместе с Темной страной, казалось, навсегда. Хоть какая-то радость измученным людям нищего королевства.

Люди уже привыкли к мысли, что нет их обожаемого Роберта, которого они так любили за простоту, буйный нрав и зрелища. Пущенный в народ слух, что рыжий король вознесся и вымолил благодать у Безымянного, разошелся мгновенно. Уже на каждом углу шептали о Роберте Святом. Если ушлый кардинал догадается подхватить и использовать ситуацию во благо церкви, людская любовь станет неугасима, рыжего быка не забудут. И тогда через обряд айров, связавший наши души, ответ этой любви получит и мой дар огня.

Зерна были брошены в благодатную почву.

Такое явление, как глухая темная ночь, перестало существовать во всем Гардарунте. Светло было так, что можно легко разбирать причудливые руны древних свитков. Сама земля источала тихое сияние. И тепло. Зима отступала стремительно, не успев начаться, и в воздухе изумительно пахло весной. Диво дивное, божья благодать, Чудо Священного Пламени, оплаченное смертью и бессмертием короля Роберта.

На такой волне подданные легко примут даже меня, особенно если накормить их в честь коронации.

Вот с этим проблемы. Королевские закрома пусты: что не украдено, то сгнило. Предательство проникло везде. Исход шаунов и инсеев из страны унес последние крохи. То, что маги не могли взять с собой при бегстве, они портили, отравляли, уничтожали. И все мы знали: передышка временная. Маги запада и юга будут мстить за неудачу, когда оправятся от поражения. Надеюсь, у нас будет время подготовиться.

Накануне церемонии состоялся королевский совет, и там я совершила первый непростительный шаг.

– Списки на помилование в честь вашей коронации, ваше величество, – граф Тилим фьерр Жаонт с поклоном передал мне пухлую тетрадь из десятка скрепленных жилой листов. Этот сорокалетний равнинный аристократ с длинным тонким носом, изящными губами, буйными кудрями, но уже с наметившимися залысинами, возглавлял Тайную канцелярию.

Мастер Таррэ, появившийся в столице в легендарную Ночь Святых Огней и всего лишь за неделю непонятным для меня образом подмявший и Королевский совет, и Регентский, удивленно выгнул бровь:

– Лорд Жаонт, почему я их не видел?

Не только у меня не сложились с ним отношения с первого дня его появления в Гардарунте. Таррэ сразу дал понять, что мне не дадут никакой самостоятельности, не для того Белогорье позволило мне надеть чужую корону. Карманный король – это стало платой за продление договора с горными лордами и военную помощь белых вейриэнов.

И знать Гардарунта прекрасно это понимала.

Граф, стараясь не встречаться с белыми, как лед, глазами мага, скривился и пренебрежительно спросил:

– А что бы это изменило, мастер? На прошлый совет вы не явились, гоняться за вашим пресветлым вниманием никто не будет. Большинство регентов уже видели списки и одобрили, даже если вы против, то в меньшинстве. Дело за подписью его величества.

О, у нас наметилась конфронтация и бунт? Кому-то стало мало власти? – улыбнулась я про себя. Отлично. «Играй на противоречиях своих противников, – писал Роберт Сильный в письмах к несуществующему сыну. – Не давай им объединиться, сталкивай их интересы и иди вперед. Твой путь свободен, пока они грызутся за кость».

Я раскрыла тетрадь с перечнем имен, преступлений и приговоров, в основном вариантов казни. Начала листать.

– Ваше величество, регенты уже одобрили, – напомнил граф Жаонт и стряхнул пылинку с рукава. Нервничает? С чего бы?

А вот и зарытая собака. Даже две.

Имена принцесс Адели и Агнесс скромно прятались в середине списка. Обвинялись они в излишней впечатлительности и внушаемости, чем воспользовались злоумышленники. Так как соблазненные врагом рода человеческого лично в покушении ни на принца Лэйрина, ни на принцессу Виолу не участвовали, мерой наказания назначено заточение в монастырь для укрепления духа и веры принцесс. Обе чистосердечно раскаялись в том, что желали брату смерти и не смогли защитить сестру от поругания, и умоляют о прощении.

Не смогли защитить! Держали несчастную за руки, пока их любовник Дирх ее бесчестил!

Я жирно перечеркнула оба имени недрогнувшей рукой. Граф Жаонт аж в лице переменился. Да и кардинал, затаивший дыхание, пожевал губами и нервно потеревбил жреческий знак – платиновый кругляш с бриллиантовым ободом и огромным алмазом в центре. Символ бога, отразившегося в зеркале мировых вод.

Подумав, я вычеркнула еще с десятков имен – всех людей, обвиненных в убийстве, – но приписала «на дорасследование». То есть помилование на них не распространялось, но и свободы им не видать. Подозрительно мне, что Азархарт, в Ночь Святых Огней забравший с собой все черные и гнилые души, до которых мог добраться, оставил этих преступников. Тут либо они невинны, либо прятались в монастырях, куда темные не смогли войти в тот визит, либо что-то еще.

– Сир, вы отказываетесь помиловать ваших сестер, принцесс Адель и Агнесс? – уточнил Жаонт.

– Я оставил им жизнь, этого достаточно. Казна платит за их содержание монастырю, это больше, чем я бы желал, но это было решение короля Роберта, и я не буду его оспаривать, дабы не осквернить его светлую память. Вы хотите возразить, граф? – прищурилась я, подражая стальному взгляду погибшего властителя Гардарунта.

– О нет, конечно нет! – попятился глава Тайной канцелярии.

– А вы, регенты? – я обвела взглядом их вытянутые лица. Только герцог Холле одобрительно улыбался, да заскукавший Таррэ сосредоточенно вычищал грязь из-под ногтей кончиком сельта.

По взглядам большинства стало ясно: этот раунд я выиграла, но впереди – война. Еще одна моя война. Слишком долго они выжидали, чтобы просто так выпустить власть, а до моего совершеннолетия еще бесконечно много времени. Да и доживу ли я до него?

* * *

От золотой кареты я отказалась, приказав отдать ее в переплавку на новые монеты, и ехала по улицам Найреоса верхом, на радость зевакам и потенциальным убийцам.

Вез меня многоликий ласх Эльдер, принявший форму белоснежного коня с длинной гривой, правда, едва отъехав от дворца, гриву он укоротил, дабы не изгваздать в грязи.

На белоснежном коне я смотрелась так же нарядно, как куча освежеванного мяса. На мне был великолепный, но чрезвычайно уродовавший мою внешность камзол из алого бархата, вышитый золотыми львами и коронами. Сверху – подбитая по краям соболем мантия, укрывавшая и мои тощие колени в бордовых штанах, и даже коня и его роскошную попону. Под камзолом на рубашку надета кольчуга – береженого бог бережет.

Алый, пурпурный и золотой – геральдические цвета королевского дома Ориэдра, чье имя я незаконно присвоила по воле матери. Впрочем, король Роберт узаконил преступление, признав поддельного наследника. И обыграл интриганов, навязав им свои правила. Мне еще учиться и учиться такому высокому искусству.

Свита тоже принарядилась. Вейриэны надели белые плащи, искрящиеся, как ледники на вершинах гор. Наконец, я увидела всех четверых вместе: черноволосого и белоглазого Таррэ, ставшего всего за неделю тренировок моим злейшим врагом, красавчика Миара со сладкими вишневыми глазами, изысканного черноглазого Ониса и насмешливого Паэрта. Все-таки горцы прекрасны, я-то привыкла уже к их внешности, а дамы провожали их жадными взгля-

дами. Только жутковатый Таррэ при всей его воинской стати и мощных плечах не вызывал у них восторгов.

Глядя на этого мужчину без возраста, с крепкой фигурой воина, полускрытой под белым плащом, я в очередной раз удивилась, как он не похож на своих братьев по оружию и магии. У всех вейриэнов фигуры одинаковые, как на подбор: высокие, стройные, широкоплечие и узкобедрые. Магия магией, но тело – проводник энергий и должно быть крепким, чтобы выдержать бушующую мощь заклинаний. Это я у Роберта вычитала. И глаза у большинства горных магов темные, поначалу я их часто путала.

А Таррэ отличался не только чересчур светлыми радужками с черной окаемкой. Его угольно-черные волосы разбавляла длинная серебряная прядь у виска, выдававшая возраст. И был он совсем не так красив, как другие белые воины. Скорее, отвратителен неправильностью. Главное его отличие – слишком эмоциональная для воина мимика. Рот его неприятно кривился, нос презрительно морщился, один глаз вечно прищурен, то правый, то левый, и голова слегка наклонена к вздернутому плечу, из-за чего Таррэ казался кособоким.

Насмешка над моими представлениями об идеальных воинах.

Почувствовав мой взгляд, Таррэ величественно повернул голову, но тут же скривился как шут и подмигнул. «Ужас», – передернуло меня, и я отвела взгляд.

Над главным собором Найреоса высоко в золотисто-голубом ясном небе играли радужные сполохи: мои ласхи, мои восхитительные северные маги, лечившие раны в глухом лесу в окрестностях Найреоса, не могли присутствовать, но радовались за меня, да и северный принц Игинир прислал сиятельные поздравления.

Вверху было все чудесно и празднично.

Внизу – страшно смотреть. Грязь, вымученные улыбки на худых лицах горожан, тоскливое ожидание в глазах.

Нет, надо отдать должное: Найреос слегка принарядился. Улицы кое-как выметены, штандарты красиво развевались и сияли золотыми гербами, придворные тоже блистали, надев парчу, бархат и меха. Вот только золота на них почти не было. Ни хвастливых цепей, ни ослепительных бриллиантов. Лишь у единиц сохранились фамильные перстни, у остальных – только гордость. Или зная, сговорившись, решила не дразнить нищих и голодных. В толпе тоже оценили зрелище – нет-нет, да и выкрикивал какой-нибудь смельчак:

– Смотри-ка, а господ-то ограбили! Не все им нас грабить!

Никто не кричал «Да здравствует король!» или кричали так вяло, что я не слышала из-за грохота подков по камню мостовых. Эльдер так старался, что аж искры из-под его копыт летели. Городская стража оттесняла оборванцев, пропуская вперед прилично одетых горожан. Принарядившиеся женщины смотрели из окон зданий и лавок и махали платками всех оттенков красного. Реденько кто-нибудь в толпе вскрикивал: «Слава наследнику Роберта» или «Слава королю Лэйрину». Думаю, это были переодетые стражники, надеявшиеся получить наконец жалованье в честь праздника.

Когда мы выехали на запруженную народом площадь перед храмом, из толпы раздался громогласный вопль:

– Если ты не баба, король, покажи член!

Вот они, плоды предательства моего бывшего друга Дигеро. Только он однажды видел меня в сомнительном виде, почти голой, и не сдержал язык перед Советом горных лордов. Все слухи – оттуда.

Я мгновенно натянула поводья, а Эльдер так изогнулся, оглядываясь, словно у него не было хребта, что не исключено. Стражники уже ввинтились в толпу, люди от них в ужасе шаркались. В поднявшейся суматохе я едва расслышала, как Таррэ бросил Миару:

– Вон тот, лысый, в синей куртке с эмблемой гильдии кожевников.

– Не трогать! – потребовала я. И, поднявшись на стременах, громко, но внушительно рявкнула:

– Член тебе показать? Ну, смотри, сам захотел.

Я еще не умела, как Роберт, поджигать врагов свирепым взглядом. Но и натренированный на свечах жест ладонью произвел нужный эффект: одежда на дородном лысом детине полыхнула на мгновение и осыпалась, полностью обнажив тело в бородавках и родинках. Мужик даже вскрикнуть не успел, а его кожа – получить ожог. Разве что самый легкий, – мне еще учиться и учиться управлять огнем на расстоянии.

Через миг детина, схватившись обеими руками за болтавшиеся причиндалы, тоненько завизжал. Толпа грохнула хохотом, показывая на страдальца пальцами, а мы спокойно добрались до главного входа в храм Безымянного бога, Отразившегося в водах.

И все-таки это неправильно, думала я, поднимаясь по высокой мраморной лестнице портика, украшенной каменными лианами и водяными лилиями. Когда вода благословляет огонь, она утверждает власть над ним.

Традиция получать атрибут светской власти из рук духовной осталась в равнинном королевстве с самых древних времен. Духовная власть в королевстве принадлежала адептам Безымянного бога – религии, пришедшей из инсейского озерного края и связанной с водной магией. Астарг Огненный, завоевав трон, не стал ничего менять, а договорился с жрецами о поддержке в обмен на их жизни и привилегии. Огонь и вода поделили Гардарунт, но тихая война шла ежедневно, о чем Роберт предупреждал меня в наших долгих беседах.

И мне тоже придется. Жрецы – улыбающиеся в лицо, лебезящие, вымогающие свою долю в налогах – вековые враги огненных королей.

Храм впечатлял. Монументальный, приземистый, он поднимался трехступенчатой пирамидой, и на каждой ступени по углам стояли огромные чаши-фонтаны, не замерзающие даже зимой – наш маленький секрет с кардиналом, передавшийся по наследству от огненных королей. В благие времена по великим праздникам из чаш текло вино. Но не сегодня. Инсеи при исходе из королевства мстительно попортили почти все запасы вин, превратив их в уксус, а уцелевшие бочки стоили заоблачные цены.

Мои телохранители вейриэны остановились у портика с колоннами, украшенными искусно вырезанной цветущей водной лианой. На лестницу не поднялись: кардинал давно и категорически отказался пускать «белых дьяволов» под святой кров.

Со мной остались только люди из дворцовой гвардии, и я поймала обеспокоенный жест Таррэ, означавший «повышенное внимание».

Он прав. Если и состоится покушение, то здесь. Всегда можно сказать: бог не захотел плохого короля Лэйрина, не пощадившего собственных сестер, и наказал.

Из распахнутых дверей навстречу выступили и встали полукругом жрецы в парадных синих мантиях, украшенных круглыми зеркалами и каплями-алмазами, нестерпимо сиявшими на солнце.

Настоятель храма держал в руках большую, усыпанную изумрудами и хризопразами священную чашу – еще один намек на зеленых магов запада. Он наклонил чашу и плеснул из нее воду в более скромный золотой кубок, подставленный другим жрецом, а тот величественно передал ношу ближайшей монашке: по священной традиции входящему в Божий дом высокому гостю должна была предложить испить воды с дороги невинная девушка.

Монашка, одетая в бесформенный темно-синий балахон с надвинутым на глаза колпаком, подошла ко мне мелким семенящим шагом.

– Испей воды с дороги, путник, в этом доме ты найдешь отдохновение душе, – дрожащим, еле слышным голосом сказала девушка ритуальную фразу и протянула чашу.

Что они придумают? Отравить? При всем-то честном народе? Так ведь должны знать, что моему огненному дару яд не страшен.

Из-под низко надвинутого колпака я видела лишь твердый подбородок девицы. Отметила ее идеальную молодую кожу и злую линию припухших, словно от укусов, алых губ. И волнистый белокурый волосок, выделявшийся на темно-синей ткани, словно след кометы на ночном небе. И холеные пальчики с полированными ноготками, державшие чашу. И вода в ней показалась мне слишком черной и мертвой.

Я сложила за спиной руки в тайный вейриэнский знак, которому меня обучил еще Рагар: «Опасность!»

– Скорее эти каменные цветы расцветут, чем я приму чашу из твоих рук, сестра! – с этими словами я сорвала капюшон с «монашки» и отпрянула в сторону. Пусть все увидят и узнают «девственницу», потерявшую счет владевшим ее телом мужчинам.

Рассыпались белокурые локоны, с ненавистью глянули сапфировые глаза, алый рот раскрылся в злом оскале:

– Ненавижу тебя, брат! Будь ты...

В этот миг в чашу ударил сельт, выбив ее из рук. И вода, вопреки всем законам природы, не пролилась на мрамор крыльца, она свернулась в воздухе черным змеиным жгутом и плеснула в лицо принцессы, попала в ее раскрытый в проклинающем крике рот. В синих глазах вспыхнул дикий ужас.

Моя прекрасная сестрица Адель – я точно знала, что это она, словно кто крикнул в уши, – захрипела, стремительно чернея лицом, осела вниз и застыла ледяной коленопреклоненной статуей, схватившись одной рукой за горло, а второй – за белую рукоять вонзившегося в ее живот второго сельта. Подозрительно округлый живот. Да она беременна! – ужаснулась я.

Вейриэны, в мгновение ока запрыгнувшие на крыльцо, подхватили парализованную принцессу, втащили в храм – онемевшие от потрясения жрецы уже не препятствовали, посторонились, а какой-то служка суетливо побежал рядом, показывая боковой вход в подсобные помещения.

Я не оглядывалась на свиту. Их реакцию мне потом Эльдер опишет. Нет воплей и паники, и хорошо. Подошла к замершему столбом бледному настоятелю – мужчине уже за пятьдесят, с чисто выбритым по инсейской традиции лицом и слегка обрюзгшими щеками, которые мелко тряслись. По его лбу стекала капля пота, а руки, державшие главную чашу, дрожали так, что содержимое расплескивалось. Обычная прозрачная вода с виду.

– Прости, государь, – прошептал он. – Она принесла темный амулет с собой, мы не знали, не поняли... Я не заметил... Виноват. Помилуй, государь.

Я на миг прикрыла глаза, давая понять: прощен. Вряд ли заговорщики посвятили этого человека в планы. Скорее, подставили под гнев короля и вейриэнов, обязанных охранять мою жизнь по договору с Робертом.

– Они сказали, что принцесса хочет вымолить ваше прощение, что вы простили бы сестер перед народом в честь коронации!

– Кто они?

– Кардинал и настоятельница монастыря, где... где...

Да он же сейчас в обморок грохнется и прощай, коронация. Хуже не придумать. Столько знамений для летописцев и их страшных сказок о короле Лэйрине! Вон, как жадно вытянули шеи герцоги да графы, а их свита лезла друг другу на загривки, чтобы ничего не упустить. Милые люди.

– Разберемся, хранитель, – я легонько коснулась его дрожащей руки, вливая толику расслабляющего тепла. – Давайте продолжим церемонию.

Он кивнул, глубоко вздохнул и воздел драгоценную чашу уже твердой рукой.

– Примет ли храм заблудшего путника? – громко спросила я, начиная все сначала.

Хранитель самолично пригубил из сосуда, показывая, что вода не отравлена, и протянул мне:

– Испей воды с дороги, путник, в этом доме ты найдешь отдохновение душе.
Тут опять случился казус.

Эльдер, изображавший коня, не выдержал и решил лично проверить, не собираются ли меня снова отравить. Под охи и ахи отмершей толпы он взлетел на верхнюю ступеньку и сунул морду к чаше, принюхиваясь. Едва успела отогнать осквернителя святынь. «Чисто», – мелькнул радужный сполох, замаскированный под искры от удара подков о камень плит, и негодник, горделиво вскинув голову и красуясь, спустился на мостовую, да еще и прогарцевал, потряхивая роскошной гривой. Народ – сущие дети – мгновенно отвлекся от происшествия в портике, из которого, впрочем, мало что успел разглядеть.

Я отпила воды и вошла в храм.

Кардинал, ждавший внутри, уже стоял на коленях, бил челом и верещал:

– Пощади, мой король! Мы не замешаны, клянусь!

Отлично началась коронация. Просто замечательно. Простит ли церковь в его лице такое унижение?

Подсказать, что делать в такой нестандартной ситуации, было некому. И я совершила второй непростительный шаг. Склонила голову перед алтарем Безымянного и поблагодарила за спасение жизни, подтвердив тем самым его полуторавековую власть над огненными королями Гардарунта.

Смешно было бы поступить иначе, когда моя корона лежала в том самом алтаре – на поверхности наполненной водой огромной купели, – и чудесным образом не тонула.

Ничего, мой король, мы с тобой изменим этот обычай.

Золотой венец Гардарунта держали над моим челом двое: кардинал и канцлер, герцог Холле из древнейшего рода Гардарунта. И коснулась меня эта тяжесть лишь на минуту – из опасений, что свалится на шею. Великоват оказался венец Роберта для девичьей головы.

Глава 2. Белокурые бестии

Первенец Роберта, принцесса Адель, родившаяся на пару минут раньше сестры, умерла вечером, не приходя в сознание. Допросить не удалось. Как ни старались вейриэны продлить ее жизнь, но их целебная магия света оказалась бессильна, если не сказать – вредна для того существа, каким стала белокурая красавица.

Едва вейриэн Паэрт, создав целебный купол, извлек из нее парализующий сельт, принцесса забилась в судороге, а через миг ее тело расплзлось черной гнилью, словно было мертво уже давным-давно. И в зловонной жиже плавал уродливый черный зародыш. Тоже мертвый.

– Еще один сын Дирха, – брезгливо скривился Таррэ. – Отвернитесь, ваше величество, и закройте глаза. Я тут почишу.

Я отвернулась и зажмурилась, едва сдерживая тошноту, а за моей спиной словно молния полыхнула, – глаза даже под закрытыми веками резануло ужасной болью. Запахло свежестью, как во время грозы.

Когда вейриэн позволил повернуться, каменный пол был безукоризненно чист. Какая экономия на горничных.

– Как могло с ней такое случиться? – тяжело дыша, спросила я. Голова кружилась.

– Она была слишком близка с темным.

– С Дирхом? Но ведь король Роберт...

– Вот потому его дар и нужно было очистить, – перебил Таррэ. – Хотя не только из-за одного случая. И бескорыстная жертва Роберта – лучший способ. Что касается Адель, то мы не знаем, чей в ней был плод. Как выяснилось, ваши старшие сестры часто были участницами черных месс, а на них являлись разные гости.

– Виола носит второго темного ребенка. Он такой же? – спросила я. – Неужели она так же... сгнила?

– Дети темных все одинаковые, как по отливке сделаны. За одним-единственным исключением, – и вейриэн бросил такой многозначительный взгляд, что меня передернуло. Уж он-то знал всю мою подноготную. – Различия у мальчиков появляются после семи лет. Но с принцессой Виолой может быть все иначе. Она же не участвовала в черных мессах, как ваши сестры Адель и Агнесс, не пила яды. И сейчас она проходит обряд айров со светлым лордом, на последнем этапе происходят удивительные вещи. Все будет зависеть от нее и Дигеро, а не от унаследованной ее ребенком крови.

И снова многозначительный взгляд. Мол, все в твоих руках, Лэйрин. Если ты выжжешь свою темную половину, то мы оставим тебе жизнь. Я помнила разговор с белоглазым мастером, состоявшийся в ночь Святых Огней, когда умирал Роберт, наполняя силой своей крови землю и небо королевства, каждое слово помнила.

Высший мастер Таррэ поставил мне ультиматум: либо я принимаю его, как официального опекуна и телохранителя, либо чахну на цепи в самой глубокой шахте Белых гор, а когда выйдет срок обряда, умираю быстро и безвредно для мира.

Я была не прочь умереть быстро. Это, наверное, не страшно. Но год на цепи впечатлил.

Моя надежда, что воин рылом не вышел, чтобы замахиваться на регентство над королем, не оправдалась: Таррэ, насмешливо улыбнувшись уголком рта, предъявил доказательства высокородности. Кто бы мог подумать, что высший мастер в прошлом был лордом, главой дома Антари! А значит, магом-риэном. И что ему не сиделось на лордском месте?

Регентский совет, перепуганный Темной страной и взятый белыми вейриэнами горяченьким, утвердил Таррэ в составе коллегии. И ведь не подкопаешься! А уже через неделю белоглазый горец возглавил этот треклятый совет. Роберт в гробу бы перевернулся, если бы в таком лежал.

Многие из придворных сочли смерть принцессы в такой день плохим предзнаменованием.

Я с ними не согласна. Это благоприятное предзнаменование. Одной гадюкой меньше. Та, кто держал свою родную сестру Виолу за руки, пока несчастную насиловал темный мерзавец Дирх, доигралась в темные игры.

Теперь хорошо бы отправить туда же ее сообщников. Наверняка замешана и принцесса Агнесс, вдова герцога Магри, заточенная в монастырь Робертом. Близняшки всегда действовали вместе.

Пока знать в огромной трапезной опустошала в мое здоровье последние винные бочки из королевского погреба, я лично побеседовала с кардиналом, так как толстяк категорически отказался встречаться с вейриэнами. И это было мне на руку, хотя ни на один вопрос я не получила ответ. Особенно меня интересовало, как получилось, что святая вода из священного, прошу заметить, сосуда превратилась в неведомую тварь, каким место лишь в Темной стране.

Кардинал Трамас возводил очи к небу, призывая его в свидетели, что церковь в этом заговоре не участвовала и ему ничего не известно ни о заговорщиках, ни о темных артефактах, превращающих святую воду в проклятую. И свалил всю вину на хранительницу монастыря, под чьим наблюдением содержались сестры.

– И как же вы, ваше чистейшество, собираетесь поднимать престиж церкви после такого падения?

– На все воля божья, ваше величество.

– Но ведь и люди могут поспособствовать... – я в задумчивости зажгла одну из свечей стоявшего на столе канделябра, сняла огонек с фитиля, как бабочку, и играла, гоняя пламя с пальца на палец.

Сальные губы кардинала мгновенно пересохли, и он их облизал.

– У вашего величества есть какие-то идеи?

– Ночь Святых Огней и изгнание Темной страны не скоро забудутся, кардинал. Вы же не хотите, чтобы народ больше верил в силу огня, чем в силу воды?

– Нет! – сорвалось у толстяка, а по виску потекла капелька пота – такое напряжение им овладело. – Простите, сир, но вера в силу огня зиждется только на одном маге, и сила эта влита в слабое человеческое тело, пусть и с короной на челе.

Неприкрытая угроза. И о втором носителе огненной крови никто, кроме горцев, еще не знает. Что ж...

– Позволю себе напомнить, ваше чистейшество: весь восток верит в эту силу и без огненного мага на троне, и эта вера существует столько же, сколько живут на свете аринты. У них есть мощный аргумент, против которого вам сложно возразить. Любая магия – это пламя, горящее в Очаге, даже если это пламя – зеленое. Эальр существует, пока горят пять его магий, сотворяющих мир ежесекундно.

– Это лишь гипотеза, – отмахнулся жрец. – Магия – бесчеловечное наследие айров, возмнивших себя богами. Магия поставила одних людей над другими, которым не так повезло. Магия сделала своих хранителей бесчеловечными. Посмотрите на ваших любимцев ласков: в них уже почти ничего человеческого не осталось. Маги никогда не завоеуют любовь простых людей, ее лишенных, и только мы можем дать им утешение и надежду выжить в этом мире. Одно только явление Безымянного уничтожило айров и развеяло. Вода – основа жизни, потому Бог и благословил нас и тех, кто принимает его волю из наших рук. Люди не пойдут за магами, а за нами – пойдут. Ночь Святых Огней забудется, человеческая память угаснет быстро.

– Но вы можете воспользоваться ее плодами в своих интересах. Можете обратить любовь простых людей и их благодарность за избавление от темных в свою пользу.

– И как же?

– Признайте Роберта Сильного святым, и память о нем будет служить и вам, а не только мне и моей власти. Чудо он явил, не так ли? Так разве не по воле Безымянного оно свершилось? А я со своей стороны не буду сжигать в отместку за покушение на мою особу ни монастырь, где свили гнездо две гадюки – мои сестры, ни ваши личные владения, кардинал Трамас.

Вот так и живем. Он мне – угрозу, я ему – шантаж.

Кардинал вытащил платок из рукава мантии, промокнул вспотевший лоб.

– Боюсь, это невозможно, сир. Для таких решений нужно собирать конклав. Я же не глава церкви Безымянного, я лишь его наместник...

– Кто же этого не знает, кардинал. Ваша главная святыня и главный храм – на землях наших врагов, и ваш Первосвященник – инсей, что не может не беспокоить меня и равнинную аристократию. Вы боитесь, что за такую инициативу вас накажет Первосвященник? – пронизательно заметила я. – Думаю, мой завтрашний запрет на беспошлинный ввоз любых товаров по линии вашего неприкосновенного прежде ведомства поможет в нашем с вами общем деле. Первосвященник будет только благодарен за вашу инициативу и решение возникшей проблемы.

Побагровевший Трамас смотрел на меня выпученными глазами, словно впервые увидел.

– Вы... Вы... Ва... ваше величество, вы же этого не сделаете? Регентский совет это не благословит! То есть не утвердит!

– Боюсь, тут вы останетесь в подавляющем меньшинстве. Весь цвет аристократии Гард-рунта сильно зол на инсеев и мечтает вернуть украденное ими и их союзниками-шаунами.

– Я сделаю все, что в моих силах, сир. Но дело не быстрое... церковная бюрократия...

– ...действует стремительно, когда дело касается прибыли. Я посчитал, что за неделю только на десятинной пошлине мы можем построить маленькую крепость. А за двадцать процентов – закупить продовольствие на месяц для небольшого городка.

– Двадцать процентов? – взорвался кардинал. – Это грабеж!

– Грабеж – это все сто. Меня устроит и половина.

Мы торговались еще полчаса и сошлись на том, что начну я все-таки с десятины, но каждый день буду поднимать пошлину на пол-процента, пока не дойду до пятидесяти, дабы поторопить Чистейших.

А там и Агнесс доставили.

Таррэ не позволил мне присутствовать на допросе лично.

– Мы зажжем для вас факел в допросной, – напомнил он о том, что белые воины знали некоторые методы шпионажа Роберта, а теперь и мои. Потому они никогда не зажигали живой огонь при важных беседах. – Мы не можем рисковать, у нее могут быть еще какие-нибудь темные сюрпризы от Дирха.

Но я столкнулась с ней на лестнице, когда Миар и стражники вели принцессу и сопровождавшую ее крупную женщину в украшенной кусочками зеркал одежде настоятельницы. Арестантка вскинула голову, и снова я увидела то же прекрасное, но перекошенное лицо в обрамлении белокурых локонов, испачканные слюной злые алые губы, а в потемневших от ненависти глазах – приговор себе.

– Я отомщу за Адель! – прошипела она, подавшись ко мне, но красавчик Миар бесцеремонно перехватил и подтолкнул ее, заставив ускорить шаг.

Как вас много, желающих моей смерти.

Я наблюдала за допросом, сидя в кресле, ероша теплую шерсть гончей Дорри и уставившись на огонь, зажженный в камине в моих покоях. Этому трюку – видеть сквозь любой горящий огонь так, словно ты сам им становишься и твоя душа плещется огненными сполохами – тоже Роберт научил. И он же сотворил фантомную собаку, ничем не отличимую от настоящей внешне, кроме способности жить в огне, как мифические саламандры.

Единственный недостаток такого наблюдения на расстоянии: невозможность выбрать удобный ракурс. Я ощущала себя подвешенным на стену факелом. Не самое приятное чувство и не самый лучший обзор, но это лучше, чем томиться от неизвестности.

Когда взгляд белокурой стервы падал на лицо Миара, в лице принцессы появлялась безумная алчная похоть. Ее воля, она бы сожрала вейриэна, предварительно изнасиловав, как Виолу. Интересно было бы столкнуть моих врагов. Увы, на Таррэ вторая после Адель шлюха королевства посматривала менее благосклонно.

Конечно, она все отрицала. Сестра, видите ли, с ней не делилась такими тайнами.

А потом белоглазый, которому надоела ее ложь, выпустил из ладони ей в лицо яркий луч белого света. Даже я на миг зажмурилась – так резануло глаза. Да что там глаза – словно меч в сердце вошел и провернулся. Миг, и все прошло, но пот страха потек по спине.

– Не надо! – Агнесс дико завизжала, вырвалась из рук стражника и покатила по полу, царапая себе лицо и тело. Ужасное зрелище. Присутствующий тут же Миар с трудом ее поймал и, заведя ей руки за спину, поднял. Роскошная белокурая грива двадцатилетней женщины теперь свисала паклей, едва прикрывая пикантно обнажившуюся грудь. Когда она успела разорвать на себе платье, ловкачка?

– Разве не был проведен обряд экзорцизма, хранительница? – спросил Таррэ у женщины с рублеными чертами лица и большими, как у кузнеца, руками, привыкшими к тяжелой работе. Ее маленькие темные глаза ничего не выражали, но презрительно поджатые губы и гулявшие желваки на скулах говорили, что монашка не чужда страстей.

– Был, – коротко бросила она, одарив вейриэна брезгливым взглядом. Еще бы. На ее глазах свершалось святотатство: «белый дьявол» интересовался изгнанием дьявола из ее подопечной, невинной овечки!

– И кто проводил?

– Я.

Таррэ на миг онемел. Настоятельница отвернулась, ее глаза тут же уставились на торчавшие соски принцессы, и монашка непроизвольно облизнула мгновенно пересохшие губы. Да, этой богобоязненной женщине точно страсти не чужды.

Допрос закончился ничем. Агнесс все-таки принцесса. Монашка, когда Таррэ испытал на ней такой же луч, упала в припадке эпилепсии и поранилась зеркалами. Кому-то придется оправдываться перед кардиналом. Или, наоборот, допросить толстяка пристрастно. Я оставила Таррэ заниматься его любимым, похоже, делом. Высшего мастера, белого воина, стража Белых гор. Как-то иначе я представляла эту работу.

Поздно вечером, когда я уже ушла в тайное убежище, где только и могла работать, меня ждало еще потрясение: Дорри выхватила из камина и притащила в зубах записку от главы моей охраны.

«Ваше величество, король Лэйрин! – гласил текст. – Жду вас в ваших покоях. Срочно. Таррэ».

В моих покоях! Что скажут люди?

* * *

Горец стоял у окна, сцепив руки за спиной, и о чем-то говорил с повисшим в воздухе Эльдером. Таррэ тут же повернулся, услышав мои шаги. Снежный дракон, подмигнув мне, сразу убежал.

– Соблазните моих вассалов? – усмехнулась я, усаживаясь в кресло. – Слушаю вас, мастер.

– Такие вассалы, как ваш личный ласх, еще и ваши телохранители, леди. И в некоторых вопросах они обязаны подчиняться моим приказам как начальнику вашей охраны. Я уже не говорю, что мне, как главе Регентского совета, обязаны подчиняться даже вы до вашего совер-

шеннолетия. Но я не для того просил вас уделить мне время. – Таррэ плотно закрыл ставни окна, прошел ко второму креслу. – Вы позволите?

А если нет?

– Присаживайтесь, фьерр Антари.

Он дернулся, словно пропустил хороший удар в челюсть.

– Мастер Таррэ, – поправил он. – Фьерр – это к лордам, а я теперь представляю воинский клан. За моими плечами уже не стоит род Антари, потому я, как и все вейриэны, предпочитаю обращение по имени. Таррэ – вполне подойдет. У меня назрели два вопроса, *леди*.

Теперь уже дернулась я. Ненавижу, когда ко мне обращаются «леди», даже наедине. Этакая демонстрация его знания обо всех моих тайнах. Почти обо всех. Вейриэн, заметив мою реакцию, мстительно улыбнулся.

– Первый вопрос я вынужден задать, поскольку по договору с Робертом ответственность за судьбы ваших сестер лежит на вас, *леди*. Как вы смотрите на то, чтобы применить жесткие методы допроса к вашей упорствующей принцессе Агнесс?

– Нет.

– Так я и думал, потому не стал спрашивать заранее, – лицо вейриэна излучало полнейшую невинность. – Агнесс сейчас без сознания после попытки очищения от темного влияния. Будет три варианта. Первый, самый желаемый, но не самый правдоподобный, – она очистится. Второй, самый нежеланный, – восстановится в прежнем состоянии, если она уже полностью под властью Азархарта, но еще не выкачана, как Адель. То есть малые меры для нее уже не действенны. Или, третий вариант, самый реалистичный, – умрет, если разложение зашло так же далеко, как у ее сестры-близнеца.

– Что значит малые меры? И что представляют из себя большие?

– Вам не стоит это знать, *леди*. Не хочу пугать заранее, учитывая, что вы прямой потомок самого Азархарта. Напомню, мы ждем год. Если никаких изменений в вашей крови не произойдет под влиянием огненного дара, мы применим все градации очищения. Судьбу Адель вы видели.

Я сглотнула комок в горле.

– Но ведь при всей моей темной половине крови я не стала такой, как сестры!

– Вы росли в Белых горах, и до сих пор ваше состояние мы непрерывно контролируем, – напомнили мне. – Поверьте, Лэйрин, вы не первый, хотя и самый сложный темный ребенок, которого мы нейтрализуем. Война с Темной страной непрерывна, она идет на всех планах бытия, всеми методами и всяким оружием. То, что видят люди и цветные маги – лишь ничтожная часть. Итак, ваши старшие сестры покушались по наущению со стороны. Их, как ни печально осознавать, подставили именно под наши руки в надежде на то, что мы их устраним.

– Тут и гадать нечего. Жрецы Безымянного.

Белоглазый кивнул.

– Да. Зачем гадать, когда есть показания Агнесс?

– Вырвали?

– Добровольно получены, – и снова его лицо рассклала жесткая усмешка. – Заговор был беспронимчивый. Если покушение срывается, мы имеем что имеем: труп или все два, оскверненное убийством торжество вашей коронации и избавление церкви от позорных для нее «монашек», которые самим жрецам уже не по зубам. Если покушение удастся, они устраняют столь мешающего им огненного короля, обладателя дара, противоположного сути их водной религии. Кто взойдет на трон после вас, им не принципиально, но только не Адель. Как служители, не чуждые магии, они понимали, что женщина сгнила заживо.

– Тогда зачем?

– Простое орудие, – пожал он плечами. – В случае вашей смерти темное убийство, случившееся на глазах у всех – служителей культа, знати, народа, ей никто бы не простил. После-

довала бы казнь. Им не нужны зерна Темной страны на троне государства. Если и были какие-то планы, то явление Темной страны перепугало заговорщиков.

– У них еще Агнесс, – напомнила я. – Почему же они их не обвинили в колдовстве и не казнили?

– Какое колдовство, леди? Сами девочки не обладали ни малейшим даром. Они были развращены душой и телом, но их черные мессы совершались с применением темных амулетов, а такие вещи срабатывают даже в чистых, но неосторожных руках. Кстати, вы всегда почувствуете отравленную злом вещь. Состав крови у вас такой... интересный. Но это не все, что нам удалось выяснить.

– Подождите. Что будет с Агнесс, если выживет?

– Вывезем в горы.

– К нашей матери, миледи Хелине?

Вейриэн проигнорировал вопрос.

– Зачем вам Агнесс, Таррэ? – упорствовала я. У меня закралось страшное подозрение. Темное семя очень сильно, если даже моя мама, светлая горная леди, ничего не смогла со мной сделать. Если обе сестры спали с Дирхом... – Она тоже беременна, да?

Белоглазый нагло занялся чисткой ногтей кинжалом, нарисовав на морде скуку. Прогнорировал.

– Зачем вам темный ребенок Виолы, Таррэ? Что вы с ними сделаете?

– Леди, вам не нужно пока это знать, – он убрал кинжал и скрестил на груди руки. – Уверяю, что ничего страшного с ребенком Виолы не будет, я вам уже говорил, что тут возможно полное очищение. Родится, вырастет таким же нормальным с виду, как вы, если не подпускать к нему темных. С Агнесс сложнее, она поздно попала в наши руки. Мы не можем оставить ее тут.

– Без Адель гадюка потеряла зубы. Верните сестру в монастырь, ей там неплохо жилось.

– Так неплохо, что она соблазнила настоятельницу, половину монашек, и всех наемных слуг-мужчин, включая глухонемого мясника. Не только телом, но и тьмой соблазнила. Она одержима, леди. Она и не будучи черной ведьмой, распространяет зло, как прокаженный заразу.

– Не боитесь заразить горы?

– Что вы, они выдержали даже вас, – рассмеялся вейриэн.

Я и бровью не повела.

– Вы говорили, что это не все. Что еще?

Таррэ перестав хохотать, словно он и не вейриэн, а пьяный дальег в трактире, потерял белую прядь.

– Есть и еще, и гораздо серьезнее. Зреет заговор среди местной аристократии, леди. Мы ухватили самый кончик, с низов. На организаторов пока не вышли. Я буду ставить вопрос на Регентском совете о передаче под мою руку Тайной канцелярии. Граф... как его там... Жаонт? Оказался замешан аж в двух заговорах против короны. Просто ставлю вас в известность во избежание истерик.

Аппетиты у него растут не по дням, а по часам.

– Второй заговор – Берта? – и опять полное спокойствие, Рагар мной бы гордился.

Таррэ оценил. Даже в льдистых глазах мелькнула заинтересованность, мол, что бы такого еще сказать, чтобы я взорвалась и похоронила себя под вулканом?

– В том-то и дело, что наших сил и возможностей не хватает, и мы не можем вычислить, на кого делают ставку аристократы. Вряд ли Берта. Речь о реставрации старой династии, правившей в Гардарунте до огненных королей.

– От нее никого не осталось. Астарг еще полтора года назад всех нашел и сжег, когда брал власть, даже младенцев в колыбели.

– Ответ тут один: значит, не всех.

– А второй вопрос?

И тут он меня добил.

– Это касается вашей сети тайных убежищ, унаследованных от Роберта. Не дергайтесь так. Полтора века назад младший горный лорд Астарг, вор и убийца вашей прабабушки, белой королевы Лаэндриэль, бежал в Найреос. Так неужели вы думаете, что мы все эти годы сидели сложа руки и ничего не делали, чтобы выследить врага и вернуть украденный дар в горы? Конечно, мы знаем по узловым возмущениям сил местонахождение ваших убежищ.

Вейриэн сделал паузу, прогулялся до стола с подносом и налил себе воды из кувшина, отсалютовал и отпил. Кубок тоже хорошо бы переплавить на монеты. Кто его знает, какую магию применяют вейриэны, чтобы отслеживать мои разговоры в моих же покоях? Не нравится мне, как белоглазый ловко крутит кубок в пальцах.

– Весьма примерное местонахождение, леди. Астарг был неплохо обучен, на наши головы. Закладывая форпосты, он позаботился о системе магических фальшь-узлов. Но вообще-то это нам Роберт сказал о башнях, – Таррэ усмехнулся и вместо точки поставил на стол сосуд, чуть пристукнув ножкой по столешнице. – Когда он торговался с Рагаром за каждый пункт договора по вашей безопасности, то потребовал, чтобы мы не препятствовали вашему там пребыванию и поклялся, что вы там в полной безопасности. Я бы такой договор не заключил, леди, но я остался в меньшинстве. Скажите спасибо вашим... наставникам.

– Спасибо, – улыбнулась я. – Но я еще не услышал второго вопроса.

– Мы заметили пока еще непонятное шевеление около южных границ. Шауны потеряли в Гардарунте поражение, но не успокоились. Они прекрасно осведомлены о состоянии ваших дел и наверняка воспользуются тем, что королевство не только ослаблено, но и правитель слишком молод и неопытен. Будьте предельно осторожны, если вам взбредет в голову посетить башни в тех краях. Не геройствуйте. Я не верю в абсолютную защиту башен Роберта. Если почувствуете что-то, немедленно возвращайтесь. Рассказывайте мне о малейших случаях прорыва силовой цепи, соединяющей башни. Или, как вы ее называете, огненной.

– И о муравьях? Они там ползают.

– В каких количествах?

– Не считал.

– Моя *леди*, – мстительно протянул белоглазый, зная, как ненавистно мне это обращение, – вы все играетесь. А я предупредил, что игры закончились. Я только потому мирюсь с вашими ночными походами, что там вы можете оказаться полезнее, чем здесь. Спокойной ночи, у вас был трудный день, – он направился наконец к выходу. – И да, чуть не забыл, – Таррэ оглянулся на пороге. – Поздравляю с вашим первым провалом: Трамас отписал сегодня своему хозяину о ваших угрозах и попросил усиленной защиты. Жрецы никогда не пойдут на то, чтобы включить огненного мага в сонм своих святых. Вы поторопились, Лэйрин. В следующий раз советуйтесь со мной. Зачем вы это сделали?

– Я имею право на месть, мастер.

– Вы не имеете право на ошибки. И я здесь для того, чтобы свести их к минимуму. Они отлично понимают, на чем держится сила огня, и не дадут вашей магии такой пищи, как любовь и память народа. Не надо было действовать в лоб.

Наконец, это невыносимо противоречивое существо оставило меня. Сегодня мне даже показалось, что он пока еще союзник. Я не понимала этого мага, и это страшно выбивало из колеи.

На следующее утро стало известно, что ночью Агнесс сбежала. Сделано это было, на первый взгляд, примитивно и опять же не без помощи церкви: на ежевечернюю молитву к Агнесс были допущены священник и уже отпущенная к тому времени на свободу настоятельница. Вот она и осталась в камере вместо принцессы, а в ее рясе ушла беглянка. Причем стражники кля-

лись, что тщательно проверили гостей на входе и выходе, и лицо выходявшей женщины никак не могло принадлежать принцессе.

Я сразу заподозрила, что вейриэны повели какую-то свою игру – не верилось, что из их лап можно так легко сбежать, но Таррэ казался искренне изумленным и расстроенным.

– Мы же не всемогущи, сир, и нас здесь слишком мало, чтобы за всем уследить, – с укоризной отмел он мое недоверие. И подарил тем самым надежду на то, что и мне удастся сбежать от своей участи.

Глава 3. Огненное испытание

Король Роберт оставил мне пустую казну, разоренное государство, где еще не все инсейские и шаунские шпионы были выловлены, обнищавших подданных, перепуганных призраком Темной страны, и шесть тайных приграничных форпостов, связанных в невидимую сеть, охранявшую границы Гардарунта.

Строить их начал еще первый огненный король равнин – Астарг фьерр Ориэдра. А завершил и замкнул в цепь только его внук и мой предшественник на троне Роберт Сильный. Замаскированные логова огненного льва, каждое – со своим запахом, сокровищами и охранными печатями, назывались на чертежах «башнями», но в большинстве своем располагались под землей или в скалах.

Войти туда можно было только через огонь и покинуть так же.

«Лесная башня» была воздвигнута на границе с бесконечными аринтскими лесами и с башней не имела ничего общего. Располагалась она аккуратно на линии рубежа, в толще высокого кургана. На его голой вершине стоял двуликий каменный идол, обращенный человеческим лицом в сторону моей земли, а оскаленной звериной мордой – к стране аринтов, красных магов.

«Лесная башня» была и самой беспокойной. Время от времени аринты, наплевав на оговоренные рубежи, сжигали рядом с курганом своих знатных мертвецов, наутро собирали остывший пепел в красные, покрытые узорами деревянные горшки и уходили в свои леса закапывать останки в корни какого-нибудь священного дерева.

О ритуале рассказал мне барон Анир Гирт по прозвищу Светлячок.

Он упал мне в ноги через пару дней после моей коронации – заплаканный, краснолицый, благоухающий диким перегаром, – видно, что все эти страшные для меня дни не просыхал, как и все посольство красных магов. Весь Найреос вместе взятый так не оплакивал погибшего короля, как они.

Для аринтов, почитавших Огонь божеством, все короли рода Ориэдра, обладавшие даром «огненной крови», были кем-то вроде земных воплощений их бога. Впрочем, при всей любви и почитании соседних правителей красные маги предпочитали держаться на отдалении и не бежали с предложением слить страны воедино, мотивируя тем, что излишек огня слишком опасен для их необъятных лесов.

– Ваше величество, умоляю о милости! – жалобно всхлипнул светловолосый бугай, обладавший силой медведя.

– Убил кого?

С драчуна и забияки Светлячка станется. Он каждую неделю буянил в каком-нибудь столичном кабаке, но пока без жертв.

– Нет, как можно! Он сам умер.

Вкратце просьба барона сводилась к тому, чтобы я божественным огнем сожгла труп только что почившего в приграничном лесу аринтского старейшины. То есть приняла бы участие в жреческом обмане. На мое возмущение барон моргнул голубыми глазками:

– Никакого обмана, сир. Все аринты знают, что огонь не с неба сойдет, а из рук Огненного короля, в этом и суть. Этот ритуал – лишь подтверждение, что с уходом Роберта Сильного ничего не изменилось и ваш дар «огненной крови» по-прежнему благоволит нам и нашим лесам. Это ведь так, сир? Вы же не оставите нас милостью?

О, да... Еще недавно дар Роберта так им благоволил, что пятая часть аринтских лесов выгорела. Пожары они смогли остановить, только обратившись к магам Севера.

– Не оставляю, – вздохнула я. Погрёбальщиком мне еще не приходилось работать.

Светлячок, понизив голос до едва слышного шепота, сообщил с оглядкой:

– Ритуал сожжения усопшего проводится сегодня вечером. Почтите, государь, присутствием. Неофициально, без всяких там дипломатических миссий, эскортов и всякой ерунды.

Это он на банду моих телохранителей намекал. Опасно, конечно, но барон обязан мне жизнью и давал клятву верности еще при Роберте.

– Далековато до границы, – мягко намекнула я, что у Анира уже ум от скорби помутился. Восточные княжества в месяце пути на лошадях.

– Просто возьмите меня с собой, сир. Через огонь. Король Роберт же брал, я привычный, не испугаюсь.

– Куда брал?

– Он говорил – в лесную башню.

Напрасно барон шептал, не поможет. У моих телохранителей изумительно тонкий слух, и четверо приставленных ко мне Белогорьем высших мастеров магии и меча, ожидавших, между прочим, у дверей на другом конце зала, обменялись короткими ухмылками. Ну и в бездну их.

– Придешь в мои покои вечером, Светлячок.

Вот так и рождаются премерзкие сплетни.

На выходе барона перехватил Таррэ, что-то сказал почти беззвучно, но у меня, дочери горной волшебницы королевы Хелины, тоже тонкий слух, вот только срабатывает не с первой минуты.

– ...то уничтожим всех, – угрожал Таррэ. – И ни шагу за пределы.

Догадался. Но, удивительное дело, препятствовать не стал ни словом, ни делом. И охранять не полез. Сделал вид, что ничего не слышал и не понял. Почему? Не спрашивать же у него.

С тех пор, как умерший король передал мне дар «огненной крови» и научил, чему успел, – воспламенять, чувствовать огонь в живых существах и мертвых вещах, ходить через огонь, смотреть и слушать, – я непрерывно тренировалась.

Это было потрясающе – испытывать пьянящее чувство власти над могущественнейшей из стихий. Чувствовать ее смертельное касание как нежную ласку. Осознавать, что нет пределов. Совсем нет, ведь и солнце, и звезды над головой – это небесные костры, разоженные божественными айрами. Так разве нельзя когда-нибудь взглянуть сквозь них, каким с высоты предстанет наш мир пяти магий Эальр? Потом, когда я обрету всю силу огненного дара.

Пока я могла слишком мало, и просьба барона меня смутила. Одно дело – ставить бессердечные опыты и проносить через огонь мышей, пытаясь создать им защиту, другое – человека, да еще такого высокого и крепкого, как бесстрашный барон.

Роберт говорил, что животные не выдерживают огненного перехода, что в лучшем случае они сходят с ума, а в худшем на выходе получаешь жаркое. Пока так и получалось. Или лучше сказать – не получалось.

Мой король писал в дневниках мудреные вещи о том, что только подготовленный разум в состоянии удержать свою реальность, что от внешнего огня защищает внутренний огонь. И если маг, научившийся шагать огнем на расстояния, используя внутренний огонь, способен защитить себя, то он способен распространить защиту и на другого носителя разума, хватило бы сил.

Я боялась, что сил не хватит и я не удержу защитный полог, но барон, напротив, был абсолютно уверен и, стараясь не смотреть на мои подрагивающие руки, жизнерадостно ободрял:

– С Робертом я это проделывал сотни раз, ваше величество. Огонь меня не тронет, вот увидите.

Наивный он все-таки.

– Ты понимаешь, что я – начинающий маг?

– Понимаю, – кивнул богатырь, запустил пятерню в гриву, откидывая со лба светлые кудри. – Но я обещал вашему отцу, что без страха доверю вам свою жизнь и стану первым, кого вы проведете огненной тропой. Надо же вам с кого-то начинать, сир, а тут такой повод. Не бойтесь, государь. Не выйдет так не выйдет, наши старейшины понимают риск для моей жизни и виру не потребуют.

– Зачем так рисковать? И без меня обойдетесь.

– Не в этот раз, сир. Не сочтите за оскорбление, но... как бы это сказать... Аринты не вступят в союз с тем, кто боится собственного дара.

Вот и дипломатические угрозы в ход пошли.

Мне слишком нужны были красные маги, чтобы меня остановил страх потерять одного из них, даже такого славного малого, как Светлячок.

Попытка могла быть только одна. И она удалась, но стоила такого напряжения, что я долго не могла прийти в себя, и пришлось задержаться, прежде чем сделать второй шаг – наружу, в кострище, подготовленное аринтами специально для нас. Из огня да в полымя.

Так и получилось, что вечером вместо того, чтобы изучать ворох документов, подсунутых канцлером, я восседала на поминальном пиру за многие версты от Найреоса.

Здесь, в отличие от столицы Гардарунта, было холодно. Как и полагается в середине зимы, дул промозглый ветер с востока: на соседей чудо Ночи Святых Огней, сотворенное Робертом, не распространялось. Если у нас вовсю таяли снега и обнажались поля, то соседей погодная аномалия задела лишь самым краем. Граница между свежим и рыхлым подтаявшим снегом была видна так четко, словно кто-то прошелся с гигантским карандашом.

Грубо срубленные столы были накрыты в чистом поле под курганом по нашу сторону границы.

– Вековая традиция, благословленная вашими предками, огненными королями Ориэдра, – объяснил Светлячок вторжение. – Полтора века назад, пока в равнины не пришел и не воцарился король Астарг, мы славно повоевали со старой династией Гардарунта за этот клочок земли. Вон, даже курган сложили из костей и земель с поля боя засыпали, а вокруг лесá поставили. Но Астарг отбил рубежи, после чего мы признали его право с оговоркой – пару раз в году на летний и зимний перелом мы приходим вспомнить традиции и отправить на небесный бой воинов, чей срок служения здесь иссяк.

Либо легенды аринтов врут, либо карта Роберта. Если курган возведен до созданного Астаргом форпоста, убежище не может находиться под ним. Сама гигантская насыпь, поросшая кустарником почти до вершины, – явно рукотворная, деревья тут не могут укорениться, а в прах и кости корни проросли бы.

Я знала, что рискую, придя сюда, на самый рубеж. Стоит сделать хоть шаг на аринтскую землю, и укрывающий мою страну незримый огненный щит перестанет меня защищать. Почует ли тогда мой настоящий отец свою кровь, даже думать не хочется. Чем меньше о нем вспомнишь, тем он дальше.

А вот подумать, почему Таррэ позволил мне такой риск, следовало.

Выгодно ли ему, чтобы я перешла столь близкую граничную черту?

Да, если он уверен, что сумеет меня мгновенно убить, и если за границами Гардарунта перестает действовать договор Роберта с Белогорьем. Я не знала его содержания, могла только догадываться, но что-то – уж не распростертая ли над родными землями душа Роберта? – подсказывало, что догадка верна.

Меня усадили за поминальный стол как почетного гостя, вместе с бароном Аниром, местным князьком по имени Рысич и двумя старейшинами аринтов, состоявших воеводами при князе. Последние выделялись, как древние дубы среди осинок – такая чувствовалась мощь в крепких телах и суровых, заросших седыми бородами лицах.

Наши кресла поставили на свежесрубленный помост. Остальные поминальщики расположились в два ряда, полукольцом позади и сбоку на рогожах, брошенных на утоптаный снег: воины-аринты и полсотни лесных мужчин и женщин, провожающих своего старейшину в последний путь.

На вершине кургана под идолом, со стороны его человеческой ипостаси, на каменной площадке были сложены бревна в несколько рядов, а на шкурах возлежал покойный аринт. Его седая борода была так длинна, что развевалась на ветру словно сизый дым.

Проводы были столь же длинными, до полуночи. Передо мной на низком столике, покрытом вышитыми ритуальными полотенцами, дымились чаши с горячим вином, стояли расписные деревянные блюда с мясом и кашей, лежали деревянные, такие же узорные ложки.

Кусок в горло не лез.

Закроешь глаза, чтобы не видеть подготовленные бревна с лежащим на них богато убранным телом, и не поймешь, где находишься. Все были хмельны, старейшины тосты произносили громкие, хвалебные, соплеменники песни пели удалые, задиристые.

Несмотря на шум, я едва не провалила дипломатическую миссию: начала клевать носом и очнулась, когда в хмельной гомон ворвался удивительно чистый и звонкий голос.

Пела девушка, одетая в белое платье и беличий полушубок, как и все бабы из ее племени. Чисто и звонко – заслушаешься. Сидела она одна за отдельным столиком справа и залпом опустошала плошку с вином после каждого куплета, что портило впечатление о красавице. Впрочем, я лесного языка и обычаев не понимала, может, так положено.

К певунье тут же подходили, подливали вина и кидали мелочь на лежащее рядом полотенце, где набралась уже приличная горка. Наемная «плакальщица», ясно. А по наряду и не скажешь, вырядилась она как княжна: богато вышитая юбка, пальцы в перстнях. На шее и тонких запястьях, выглядывающих из широких рукавов, когда она подносила чашу ко рту, – крупные жемчуга в несколько рядов.

Внезапно она тоже глянула в мою сторону, и словно крапивой по сердцу ужалила: совершенно трезвый и отчаянный, полный горя взгляд. Если бы не знала, что старейшины аринтов дают обеты безбрачия, решила бы, что девчонка – безутешная вдова.

Но тут Светлячок, хорошо приложившийся к поминальному кувшинчику, громко икнул: – Ваше величество, да улыбнитесь же вы. Не принято у нас слезы лить. Огонь воду не любит.

Я вымучила кривую улыбку.

Разговоры стихли, когда поднялся один из старейшин, чье имя я не запомнила – могучий седой аринт с широченными плечами и бычьим загривком. Воздел огромный кубок и провозгласил:

– Ну, людие, выпьем же по последней солнечной мрии на посошок уходящего брата нашего Велемудра, пусть Мировой Огонь возьмет его тело и очистит душу, – он опрокинул содержимое чаши в рот, и красное вино стекло по седой бороде, как кровь. – А теперь пусть наследник дара «огненный крови», оказавший нам великую честь и разделивший с нами наши горе и радость... – Он закашлялся, глотнул вина, но продолжил без запинки: – ...пусть король Гардарунта Лэйрин Роберт Даниэль Астарг фьерр Ориэдра, седьмой ребенок горной леди Хелины Грахар, потомок великой Белой королевы Лаэндриэль, подтвердит наш древний договор благословением Священного пламени.

Анир вскочил и с поклоном поднес мне посох, сплошь покрытый рунами, с круглым набалдашником. Похоже, раньше им владел усопший маг.

– Это вместо факела, сир, – шепотом пояснил Светлячок. – Нужно зажечь и вложить покойнику в руку.

Я провела ладонью по гладкому отполированному дереву, коснулась набалдашника. Ярko вспыхнул огонь, и толпа восторженно выдохнула. Ясно. Они ожидали чего-то другого? Посох

был заколдован? Или не верили, что смогу? Интересно, что бы они предприняли, если бы у меня не получилось?

Лесной князь, сидевший по левую руку, одобрительно крикнул:

– Хорошо зажглось. Значит, Велемудр не напрасно умер.

– Что значит не напрасно, барон? – повернулась я к Светлячку.

Он пожал плечами:

– Старейшина добровольно ушел из жизни, чтобы у аринтов была возможность обновить наш договор новой кровью и новой силой огня. Такова традиция и таков его жребий.

Сердце екнуло. Где был мой ум? Это безумие – доверять случайным людям и магам лишь потому, что они притворились друзьями. Мало мне урока от Дигеро?

– То есть не зажги я факел, живым мне отсюда не уйти? – уточнила я догадку.

Светлячок вздохнул:

– Почему же, государь? Мы блюдем закон, а вы наш гость.

На моей земле, между прочим, но я не стала вступать в перепалку.

– Мы стали бы договариваться, сир, – склонил голову один из аринтов. – Вы всегда можете уйти через пламя. Это ваш путь, на котором никто не может встать. Но мы должны были убедиться, что вы – истинный наследник огненного дара Роберта, а не самозванец. Союз аринтов с Гардарунтом на прежних условиях нашей абсолютной поддержки может быть только с огненным магом. А с простым королем и условия союза будут другие.

«Еще какой самозванец, знал бы ты!» – сцепила я зубы и решительно направилась к кургану. Шквальный порыв ветра тут же попытался погасить мой факел, но держать огонь неугасимым я уже научилась. А тут еще такое дерево! Сплошная магия – в ладони словно что-то живое шевелилось, довольное и урчащее.

Следом за мной, похватав деревянную посуду с остатками трапезы, на вершину кургана потянулись остальные. Грянула торжественная ритуальная песня. Вот только опьяневшая певунья не могла идти – ее почти несли два красных мага.

Я поднесла факел к сырым, уже обледелым бревнам. Они ожидаемо не занялись. Скверно. Не так много во мне силы, чтобы заставить гореть смерзшееся дерево. Опозорюсь – аринты век не забудут.

Вспомнила, что надо вложить горящий посох в руку покойника. Вложила.

Мгновенно вспыхнули седые волосы и борода. Блики и дым исказили лицо мертвого аринта так, словно он открыл глаза и улыбнулся. Показалось. Следом занялись одежды и рысьи шкуры. Но этого мало для огненного погребения. Да еще этот ледяной ветер, прибивающий робкое пламя.

«Ветер ущелий», – некстати вспомнила я поэтическое прозвище вейриэнов. Или все-таки это их магия? Я же еще ничего почти не знаю о силах этого мира. Тот, кто передал мне дар и начал открывать мне глаза на мир, слишком рано ушел. Они все уходили слишком рано. Рагар, потом Роберт. Где справедливость, мой король?

Пламя вспыхнуло так жарко, что моим сопровождающим пришлось отскочить. Я лишь протянула руку и пропустила огненные сполохи между пальцев, словно пряди рыжих волос. Спасибо, мой король. Ты опять помог мне.

– Жертва принята! – крикнул кто-то из красных магов.

Я тоже отошла на несколько шагов, встав с наветренной стороны – невыносимо смердело горящей плотью.

Вдруг меня сильно толкнули в плечо, заставив отпрянуть. Мимо пронеслась женская фигура в белом платье. Звякнули серьги, пахло благовонным маслом, медом и вином. Певунья. Я вскинула руку, но лишь успела зацепить длинную нитку жемчуга. Она порвалась, осыпались наземь жемчужины и покатались по склону крупными белыми слезами.

Я бросилась следом за девчонкой – схватить, удержать, но в плечи мне медвежьей хваткой вцепился могучий барон, и я потеряла драгоценные мгновения на бесполезную борьбу.

А дура девка, птицей взлетевшая на пышущие жаром бревна, уже истощно закричала, вдохнула пламя и упала на обугленные останки мертвеца. Ее одежда жарко полыхнула. И я ничего не могла сделать. Ничего! Огонь не подчинился и не погас. Я потеряла над ним власть!

Да и была ли она?

Меня скрутила ее агония, казалось, мои губы лижет жгучее пламя, это я пытаюсь дышать сожженными легкими и корчусь от невыносимой боли, это моя плоть обугливается и лопается, у меня испаряются от жара глазные яблоки. И не было слова в человеческом языке для такой боли. Боги, это я умирала там бесконечный миг.

И это я была огнем, который убивал и пожирал, чтобы жить еще мгновение.

Стиснув зубы, чтобы не закричать, я держала в себе свой и ее ужас. Мне оставалось только убить ее быстро, чтобы не мучилась. Но я смогла сделать это, только слившись душой с огнем и подчинив его через бесконечные мгновения ее и моей муки.

И только через несколько минут я пришла в себя и почувствовала чужие тяжелые руки на плечах: Светлячок все еще крепко держал меня.

– Убери лапы, пока целы! – прохрипела я. Казалось, мое горло обгорело изнутри – так его саднило, а с губ сорвался дым.

– Простите, государь, – барон отпрянул и поклонился, а в голубых небесных глазах появилось удивление и страх. – Вы... совсем как Роберт... почернели.

Так вот что ты чувствовал, мой король. Ты ведь тоже прошел через погребальный костер аринтов. Ты тоже тут горел и умирал. А сколько еще придется принять и пропустить через душу смертей и жизней, любви и боли, пока ты несешь этот проклятый дар, объединяющий твое сердце с миром?

Я простояла на вершине кургана под идолом с человеческим лицом почти до утра, не заметив, как ушли лесные люди и их князь. Остались только Светлячок и двое могучих старейшин, почтительно стоявшие в стороне.

Когда костер прогорел дотла, я хрипло спросила:

– Почему она это сделала? Тоже ваш варварский обычай? Или вы ее опоили?

Ответил старший:

– Здесь, в княжестве Золотой Рыси, не придерживаются устаревшего обычая, но Сати родом из других земель. Она любила Велемудра и ушла добровольно.

– Но он старик!

– Это лишь тело. Она любила его душу.

Боги, мне никогда не понять логику ваших жестоких игр.

– Если вы хотите, чтобы дар «огненной крови» хранил ваши леса, а не сжигал их, вы сделаете все, чтобы искоренить на ваших землях самоубийство женщин на погребальных кострах, – я смотрела прямо в расширившиеся от изумления глаза аринта и не уверена, что мои глаза остались нормальными. – Человеческие жертвы оскорбляют священное пламя.

– Но священный Огонь принял жертву Велемудра, – возразил аринт. – И Сата соединилась живой кровью с огненной. Теперь наши договоры обновлены на земле и на небе.

– Я принял, – я посмотрела на свои руки, помнившие сгоревший в огне чужой посох и обнаружила, что в кулаке все еще зажата горсть жемчужин. – И душа Роберта Сильного приняла. А священный Огонь не хотел ее и не принял.

– Но...

– Вы убедитесь, старейшина, когда с небес на вашу голову упадет его посох.

– Это невозможно. То, что принято священным Огнем, не возвращается.

Аринты сильные воины. И беспросветно дремучие. Или только вот этот старейшина? Почему Светлячок говорил, что их жрецы мудры?

Я развернулась и молча, не глядя на растерянных аринтов, отправилась прочь, на запад, по чистому заснеженному полю скользящим шагом, как на лыжах. Хорошо, что мои кости легкие, а мышцы не так накачаны, как у борцов.

Барон пытался бежать следом, но проваливался и увязал в подтаявшем снегу.

– Мой король!

– Я не твой король.

– Государь! Ваше величество! Сир!

Он не отстанет. Я всего-то искала место для того, чтобы зажечь костер, уйти в огненную клетку и побыть там одной. Пока у меня не хватало сил, чтобы ступить одним шагом через огромные расстояния без помощи огненных форпостов. Придется возвращаться в «Лесную», которая на самом деле не башня, а подземелье, и оттуда уже во дворец. Так же, как пришла. Сюда я провела Светлячка через огонь, связавший форпосты и спальню короля во дворце. Из кургана мы вышли тоже через огненный портал, как называл его Роберт в записях, замаскированный под большой костер у подножья, разожженный аринтами специально для меня. Уйти во дворец можно в обратном порядке.

Аринты ведь могут и не знать, где именно находится мое убежище. Идол именно на этом кургане мог быть и случайностью. Может, я зря беспокоюсь.

Я остановилась, посмотрела на светлое небо Гардаруна. Скоро взойдет солнце, а мне нужно еще тайно выпустить Светлячка, вернуться и смыть с себя пепел, черкнуть пару слов в дневнике, и я опять опоздаю на тренировку с Таррэ.

– Собирай хворост, барон, я замерз.

Но вместо того, чтобы ограбить ближайший кустарник, Анир тоже задрал голову к небу и смахнул слезинку со щеки:

– Как же я тоскую по нему...

– Не трави душу. И прекрати кормить огонь водой.

– Не буду, сир. Я вот что хотел сказать вам, пока никто не слышит... Знаете, почему Роберт женился в шестнадцать лет?

– Влюбился в невесту?

– И это тоже. Но главное – по законам Гардарунта с момента женитьбы наследный принц был признан дееспособным и совершеннолетним. Регентский совет ему впоследствии не понадобился.

Хороший намек. Спасительный. Но пока не для меня: жениться я по понятным причинам не могла.

Глава 4. Фантомы и отражения

«Огню непрерывно нужна пища, – учил меня Роберт. – Берегись равнодушия, оно смертельно. Самое лучшее для нашего дара – любовь. Но если нет... а ее нет в тебе, Лэйрин, что бы ты ни придумывала о своих чувствах к Дигеро... если нет, подойдет любое чувство, и твое, и чужое. Пусть тебя боятся, ненавидят, презирают, любят, обожают – что угодно, только не равнодушие. Если нет своих, чужие чувства будут высекать в тебе искру и воспламенять».

Я, помнится, тогда лишь криво усмехнулась: я и любовь? Ну не смешно ли? Это мне-то, с детской кличкой Урод, полученной от любезных старших сестер, мечтать о чем-то более романтичном, чем чертеж восстановления приграничной крепости, разрушенной набегами степняков? Да и со степняками разобраться бы раз и навсегда. Разве не мечта для правителя?

Да я даже семьей обзавестись не смогу!

Роберт в том разговоре отлично понял мой ужас, рассмеялся: «Ну да, я все время забываю... Что ожидать от существа, испорченного зельями? Не пей их больше, Лэйрин, если хочешь жить. А пока запоминай. Если тебе нечего дать огню, дай саму себя, но оставь якорь, зерно души – самое ценное, чтобы ты могла возродиться. Или ты рискуешь однажды уйти в пламя и не вернуться, как свет не возвращается к звезде».

Мое зерно души оказалось легко определить: закрой глаза, и увидишь теплый взгляд Дигеро и единственный поцелуй, украденный у судьбы. Я лелеяла тот момент, как нищий – последний грош.

Теперь я сама себя сжигаю по несколько раз в сутки. Так это выглядит со стороны, когда моя тощая долговязая фигура скрывается в гудящем пламени огромного – вполонину выше человеческого роста – зева камина в королевской опочивальне. Помпезность и гордыня: потомки горных лордов, огненные короли Гардарунта никому не кланяются. Потому нет во всем здании не только мелких каминов, – ни одной обычной двери, все рассчитаны самое малое на конного всадника с плюмажем на шлеме.

Покойный Роберт, к слову, не раз этим пользовался, въезжая в собственный дворец верхом, и наслаждался визгом чопорных придворных дам и смятением их кавалеров, увораживающихся из-под копыт. А уж когда лошади оставляли вонючие следы своего пребывания и придворные скользили и плюхались, король хохотал так, что стекла вылетали из витражных переплетов.

Буйный рыжий бык. Иногда я по нему скучаю. Кто бы мне сказал такое в детстве, когда я была полна ненависти и злости... Роберт, считавшийся полным ничтожеством и пропойцей, в итоге всех переиграл и заставил принять его условия. Всех. Даже моего настоящего отца, не к ночи будь помянуто его проклятое имя.

Теперь я читаю дневники огненного мага как самое бесценное сокровище мира и распутываю его партию по ходам. Учусь. Я тоже надеюсь когда-нибудь переиграть невидимых игроков, вознамерившихся сделать из меня жалкую жертвенную пешку. Пусть даже в короне из фольги.

После вылазки со Светлячком что-то сдвинулось во мне, словно встрепенулась оцепеневшая душа. Теперь я знала, что делать. Лишь бы хватило времени.

А времени катастрофически не хватало. Мое тело стремительно менялось, по-девичьи округлялось и расцветало, как и обещал мой король. Зелья, сваренные по рецепту королевы Хелины, уже не помогали: любой яд сгорал в моей обновленной крови.

Скрывать изменения скоро станет невозможно.

Потому мои первые магические опыты стали по созданию «карманов времени» и фантомной внешности. Занималась я в убежищах по ночам.

Роберт считал, что мой прирожденный облик – копия с моей погибшей прабабки, последней горной королевы Лаэнриэль. Но вот тут я как раз сомневалась. Не случайно я, даже в облике мальчика, так похожа на прабабку. И не случайно первая жена рыжего короля, леди Лорея, была так похожа на нее же. В интриге, закрученной вокруг огненного дара Роберта, не могло быть случайностей. Мое лицо заточено волшебными резцами, стершими настоящий облик. Следовательно, эти зеленые глаза, которые я вижу в зеркале, пока не сниму живую маску, – не мои. И черные волосы – тоже не мои. Мне это лицо напоминает не светлую Лаэнриэль, а темное существо, которое я возненавидела: моего отца.

Он убил Роберта.

Из бушевавшего в крови огня я создавала себе новое тело.

После того как пламя погребального костра пожрало тело аринтской певуни, я начала понимать смутные места в записях Роберта, и магические опыты сдвинулись с мертвой точки. Я лепила себя с той фигуры, которую довольно неплохо помнила: с фрейлины моей матери и моей подруги Лилианы фьерр Холь. Не точную копию, чтобы девчонка не обиделась потом, когда найдется.

Из зеркала на меня смотрело вполне миленькое личико с серыми глазами (тут я не удержалась и позаимствовала суровый взгляд у Роберта), с небольшим точеным носиком и чуть припухлыми, как у Лилианы, губами.

Совершенно чуждое мне лицо. Что и требовалось. Ничто не должно напоминать о привычном облике Лэйрин. Черные космы я заменила каштановыми (с золотистым оттенком, как у Дигеро) и уже отрастила локоны до лопаток за какой-то месяц. На этом остановилась: камеристок в убежищах не было, чтобы за королевской шевелюрой ухаживать.

И платье зашнуровать некому.

Я кое-как затянула шнуровку бального платья, позаимствованного в гардеробной Жасминовой башни, как я ее назвала из-за тонкого аромата огненной печати. Первая жена Роберта устроила там будуар, рыжий король ничего тут не менял после ее смерти, я тоже не стала. Одежда леди Лореи была мне еще великовата в груди, а в талии узковата, но теперь я точно знала, какой размер тела мне нужен. Еще бы рост убавить.

Закружившись так, что взлетело белопенное кружевное облако нижних юбок, я засмеялась. Видела бы меня сейчас моя мать леди Хелина – удавила бы собственноручно. А узнал бы мастер Таррэ, что вместо занятий с мечом, мои руки учатся держать веер – расчленил бы по частям, и веер тоже.

Но матушка исчезла из горного замка бесследно, и найти никто не может уже месяц, а мастеру Таррэ в огненное убежище не пройти, к моей радости и его досаде.

Когда за тобой надзирают четверо из оставшейся пятерки высших мастеров, словно опаснее меня твари в мире нет, то и башня, спрятанная в холме близ шаунской границы, перестает казаться камерой одиночного заключения.

Самая прелесть в том, что, пока вейриэны думают, как здорово у них получается манипулировать фигурой послушного и во всем ограниченного короля, я сыграю другой фигурой.

И она, моя фигура, должна быть готова через неделю, когда закончится сорокадневный траур по Роберту Сильному. Две фигуры, – я покосилась на неподвижно замершую в кресле свою фантомную копию. Вот что должно стать моей панацеей. Король Лэйрин во всей красе, каким должен быть в глазах придворных. Только еще не дышит.

Последним напутствием моего погибшего наставника Рагара были слова: «Прежде чем браться за чужие фигуры, научитесь виртуозно играть своими». Вот и учусь. Тайно, в одиночестве, без учителей. Только с помощью анатомических атласов и оставленных мне в наследство записей огненного мага Роберта, куда более ценных, чем все его королевство.

Полюбовавшись на такого мужественного зеленоглазого фантома и такую женственную и сероглазую себя (все-таки контраст получился разительный), я сняла роскошное платье, надев

более подходящее к задуманному мероприятию, самое скромное из наследства леди Лореи. Еле втиснулась. Недостатки одеяния прикрыл коричневый домотканый плащ небогатой горожанки. Скрутила волосы в узел, скрепила гребнем, по привычке сунула в голенище сапожка сельт и короткий кинжал. Ножны с длинным кинжалом пристегнула к поясу и спрятала под полый плаща, а к гребню в прическе добавила заточенную, как шило, шпильку и накинула капюшон.

Сегодня у меня генеральная проверка женской внешности.

Ну-с, посмотрим, мастер Таррэ, как вы сумеете за мной уследить. Короля можно поставить на колени только на плахе.

* * *

Вместо того, чтобы из убежища пройти через огонь в условленное место – к свече, зажженной на столе в комнатухе столичного постоянного двора, я поискала другой огонек. Костер, горевший на берегу реки, огибавшей город. Рядом спали табунщики.

Через этот огонь и прошла. Ни уголек не хрустнул под подошвой: я уже научилась не переносить сразу весь вес. Роберт в зашифрованных записях писал удивительные вещи: что маг, переносясь от огня к огню, каждый раз воссоздает себя заново. Ведь все в мире соткано из огня, и маги – не исключение.

Если мы способны создать фантом или изменить структуру камня и дерева, сжечь цветок и соткать точно такой же, и он продолжит цвести (в теории, на практике у меня пока не получалось), то и наше тело подвластно нашей воле. Так почему бы не воссоздать себя... слегка, наметить зыбким контуром?

Я скользнула полупрозрачным языком пламени за спины спящих, пронеслась к реке и лишь тогда перешла из башни полностью, обрела плоть. Подол платья сразу намок от обильной ночной росы. Щеки обдул теплый ветер, словно коснулись ласковые ладони. Или душа погибшего короля, простертая над его страной.

Затаив дыхание, я смотрела вдаль с крутого обрыва. Красота неопишущая.

Река казалась расплавленным серебром, текущим по лунному свету. А листва цветущих деревьев мерцала лунным кружевом. За спиной на лугу фыркали стреноженные лошади, щипавшие траву. А ведь середина зимы. Если внезапное, противоестественное лето продлится еще месяц, голод не придет. Королевство выживет, вопреки всему.

– Эй, ты кто? – шорох и тихий окрик за спиной.

Я оглянулась. Позади на удивление неслышно подошел молоденький пастушонок с котелком в руке. Каждую веснушку можно сосчитать на удивленном лице. Я улыбнулась.

– Красиво тут, правда?

Он сморщился.

– Ага. Да красотой сыт не будешь. Кто ж знал, что в раю так живот урчать будет?

– В раю?

– Ну да. Должна быть зима, а где? Мой дед говорит: мы все померли в Ночь Святых Огней, вместе со старым королем. Вот в рай и попали, – и неожиданно парень подмигнул. – Да и девушки тут, что тебе ангелы непуганые. Ты чего одна по ночам бродишь?

– Мне... лошадь нужна. Не насовсем. До постоянного двора доехать. Моя пала в дороге.

– Чем платить-то будешь? – прищурился он, оглядывая мой скромный наряд. – Деньги нынче не в ходу.

Это была еще одна моя проблема, коих несть числа. После побоища во дворце, когда выяснилось, что золото в казне короля и большинства придворных было не просто фальшивым, а замаскированными шаунскими гадами, все они поползли из кубышек. Разорились и купцы, и лавочники, и мастеровые. Все, кто имел какие-то сбережения в золоте. Не дрогнула только церковь Безымянного. Внешне. Что происходит в церковных сокровищницах, священство не скажет и под пытками.

В результате напуганный народ не хотел брать даже медь, и в королевстве процветал натуральный обмен. Особенно ценилось зерно и драгоценные камни. Но отдавать алмаз за прокат лошади, которая к тому же мне совсем не нужна?

– Оружием заплачу, – говорю. И вытащила из сапожка маленький кинжал.

Парень попятился.

– Эй! Ты чего?

– Не подойдет? Ну, тогда я так доберусь, своим ходом.

Повернулась и пошла вдоль берега к видневшейся далеко вдали городской стене. Мне бы отойти подальше с глаз, да потянуться к той свече, пока не прогорела.

Пастушонок догнал меня быстро, верхом-то на коне. Вторую оседланную лошадь он держал на поводу.

– Садись, девка. Дед отругал меня да послал следом. Нехорошо это – одной по ночам бродить. Нынче разбойники вроде и повывелись, но кто их знает... Грех на мне будет, если с тобой случится что. А в раю нельзя новый грех брать. Только очистились... Не убудет от меня, ежели задаром помогу.

Вот так, Роберт... Слышишь?

Удивительно, но явление Темной страны пошло на благо королевству: случайно или намеренно Азархарт, уходя, забрал преданные ему души, какие смог. Вместе с телами. И неизвестно, живыми или мертвыми. Исчезли расплодившиеся разбойники и убийцы, пропали ростовщики (те, кто еще не бежал вместе с шаунами). Вот только мои сестрички Адель и Агнесс в тот момент были надежно укрыты в монастырских стенах. И кардинал уцелел.

После ночи, когда погиб Роберт, преступность и блуд в королевстве резко сошли на нет. Все стали святыми. Ненадолго. Душевный подъем народа не может длиться вечность. Вот и в этом парне боролись корысть и щедрость.

Пока я колебалась, принимать ли помощь, судьба опять решила за меня. Я почувствовала, как пламя горевшей для меня свечи в гостиничном номере дрогнуло. Словно кто раскрыл дверь или резко махнул рукой. А ведь в помещении должно быть пусто, это было одним из условий. Я насторожилась, вглядываясь сквозь пламенеющий в душе язычок свечи в полумрак далекой комнаты. Увидела, как неплотно прикрытые створки окна распахнулись, ворвался ветер, кто-то вскрикнул, и пламя погасло, лишив меня возможности подглядывать.

Проклятье. Что там случилось?

Пастушонок истолковал мое молчание по-своему:

– Да не бойся ты. На берегу так вон смелая была, а теперича чего испугалась? Говорю же, даром довезу.

Он помог мне забраться в седло – с непривычки я запуталась в юбках – и мы двинулись к городу.

На ночь ворота столицы не закрывались: бояться пока некого, да и со всей страны шли паломники – прикоснуться к гробнице Роберта. Никто ж не знал достоверно, что гробница пуста, хотя слухи ходили. Они были мне выгодны.

Я заплатила немаленькую пошлину за двоих и двойную – за лошадей. Последний вид сборов – мое нововведение, весьма неодобренное знатью, державшей целые табуны. Но навоз с улиц кому-то надо убирать, и из чего-то платить уборщикам при пустой казне. В конце концов, в раю должно быть чисто.

Первым моим прозвищем от народа стало Чистильщик.

В обмен на серебро стражники выдали нам пропуск на сутки как паломникам. Тогда я и узнала имя спутника – Канис.

Я назвалась древним именем Айрани, часто встречавшимся в гимнах божественных айров.

Мы приложили к бумаге оттиски с ладоней, выкрашенных охрой – защита от подмены. Эти пропуска горожане уже обозвали «красной чумой», а паломников, соответственно, «чумными». И никто, кроме Таррэ и его тройки, не знал, что охра выдана страже не простая, а колдовская. Я под надзором вейриэнов долго мучилась над заклинаниями и составом порошка, чтобы он реагировал на чуждую Белому пламени магию. Пускать под бок новых шаунских или инсейских диверсантов мне не хотелось.

Мера оказалась действенной: в первую неделю нововведений каждый день у кого-нибудь из гостей, не предъявивших специальных грамот, вспыхивали ладони. Их десятками отлавливали по всем городам и крепостям. Потом засланцы иссякли либо мои враги придумали контрмеры. Значит, пора усовершенствовать порошок, но где взять на все время?

Вторым моим прозвищем стало Красильщик.

Постоялый двор, куда мне надо было попасть, находился не слишком далеко от ворот, в бедных кварталах. Пастушонок не удивился, что девица в плохоньком плаще и без поклажи направилась искать пристанище именно там, но неодобрительно нахмурил брови:

– Это, конечно, твое дело, Рани, но я бы не советовал туда идти. Раньше там уличные шайки орудовали. Не всех же подлецов темный владыка... тьфу-тьфу, не в ночь будь упомянут... с собой забрал.

Тут он прав. Не всех. Аристократия осталась почти в полном составе. Тут мой папочка проявил неожиданное милосердие. Наверняка чтобы не остаться без шпионов. И гильдии воров, мошенников и нищих по-прежнему процветали. Только самые отъявленные негодяи, у кого руки были по локоть в крови, канули вместе с Темной страной, как мне докладывал советник по внутренним делам. Но на освободившиеся места быстро пришли новые главари.

В городе было темнее, чем за его стенами: дома стояли плотно. Улицы почти пустовали – ставшие поголовно добропорядочными горожане мирно спали. Нам попались на пути лишь тройка подозрительных личностей, ушмыгнувших в подворотни, одна безбоязненно прогуливавшаяся парочка влюбленных да две небольшие группы селян-паломников, помахавших нам выкрашенными охрой ладонями. Мне было больно смотреть на их лохмотья и изможденные лица. Голодный рай, да...

И кстати, ни разу не встретились разъезды стражи. Непорядок. Впрочем, я сама же, вдребезги поссорившись с главой городской стражи, на две трети сократила эту армию бездельников, при которых прежде вольготно чувствовали себя бандиты. Все равно платить нечем. Освободившиеся солдатские и командирские руки направила на сельские работы, причем с оплатой в счет будущего урожая. Надо было пользоваться небывалой оттепелью, срочно пахать и сеять с трудом добытое зерно. Как я его добывала при пустых, как и казна, королевских закромах – отдельная неприглядная история.

– Тут, что ли? – Канис остановился у распахнутых ворот с качавшимся на цепи знаком гильдии, неприязненно оглядел двухэтажную облезлую халупу, видневшуюся в глубине двора. – Клоповник какой-то, рассадник кровопийц. Может, ты лучше с паломниками переночуешь, а к брату с утра пойдешь?

По пути я рассказала донимавшему расспросами пастушонку легенду о старшем брате, подавшемся на столичные заработки. Мол, устроился и прислал мне письмо. А тут внезапно отец умер (в конце концов, Роберт считался моим отцом, а о том, как обстоят дела на самом деле, знали только высшие вейриэны), и я отправилась к брату. Кстати, если верить слухам, что у Азархарта армия бастардов, то братьев у меня должно быть навалом.

От этой мысли я поежилась.

Во дворе раздался истошный вопль, и я вздрогнула от неожиданности.

С одной стороны, маг всегда должен быть наготове, держать щит, чтобы даже стрела, прилетевшая из темноты, не пробила. С другой – такой щит сразу выдаст меня тем, кому открыто невидимое. Северный принц – многоликий маг – обладал такой проницательностью. Во всем

мире пока только два огненных мага, и только во мне дар раскрыт полностью, опознать – легче легкого под любой внешностью. Высшие вейриэны наверняка видят, хотя никто из них не раскрывал мне своих истинных возможностей. Но разве стали бы они высшими, не обладай особыми умениями?

– Кошки, – ухмыльнулся Канис.

В этот момент дверь дома распахнулась.

И два моих телохранителя-вейриэна, которых здесь и близко не должно быть, вышли из дверей харчевни на первом этаже.

А я тут, понимаете ли, путешествую инкогнито. Вовсю нарушаю собственную страшную клятву, взятую с меня белоглазым Таррэ.

Что ж... Полное владение магическим даром означает и способность его игнорировать. Сделать вид, что никакого дара и отродясь не было. Иначе не ты будешь владеть даром, а дар – тобой, как случилось с впавшими в безумие к концу жизни огненными королями рода Ориэдра, чье имя я незаконно носила. Потому я с самого начала, еще едва приблизилась к стенам столицы, погасила бушевавший в жилах огонь. словно пеплом подернулась. Но поможет ли предосторожность?

Воины, конечно, сразу увидели двух всадников, остановившихся в нерешительности посреди двора.

А пусть попробуют прищучить. Во-первых, король Лэйрин сейчас сидит себе в убежище. Бездыханный и слегка недоделанный, правда. Но ведь сидит! И может предъявить свой королевский лик, если так уж нужно (хотя очень нежелательно, над фантомом еще работать и работать). Во-вторых, Таррэ требовал, чтобы я без сопровождения никуда и носу не высовывала. Так вот оно, сопровождение, в наличии. Я покосилась на пастушонка. Он перехватил взгляд и решил, что я струсил. Вейриэны, хоть и прекрасны, как большинство горцев, но смертельно опасны даже на мимолетный взгляд. А уж если присмотреться...

– Говорил же я тебе, подозрительная здесь ночлежка! – громким шепотом сказал Канис. – Поехали отсюда, Рани, другую гостиницу поищем. Или к паломникам вернемся.

Я промолчала. Боялась, что меня выдаст голос. Самое тяжелое – это даже не внешность изменить, а голосовые связки трансформировать.

Уйти нам никто не дал, разумеется. Белые воины вновь оправдали прозвище «ветер ущелий». Не успел пастушонок договорить, как один из телохранителей, только что стоявший на крыльце, оказался за нашими спинами. А второй – предмет воздыханий бесстрашных придворных дам, изумительный Миар с яркой пурпурной прядью в черных волосах, словно в них запутался луч закатного солнца, и такими же глазами, неторопливо приблизился, поигрывая сельтом.

– Кто такие?

Канис нервно сглотнул.

– Мы... это... паломники.

– Покажите пропуска.

Я, не поднимая на него глаз, вытащила из-за пазухи свой и... передала Канису. Не хочу, чтобы Миар изловчился и прикоснулся ко мне. Пастушонок показал документы, но вейриэна это не удовлетворило.

– Вашу ладонь, барышня.

Моя дрожащая, еще не отмытая от «охры» ладонь накрыла отпечаток на документе. Миар сверил. И все-таки прикоснулся, гад! Поправил якобы съехавшую по причине испуганного трепета ладошку. Будет недостоверно, если беззащитная селянка вот совсем-совсем не испугается такого опасного воина, не так ли?

– Совпадает, надо же, – хмыкнул. – Значит, Айрани. Красивое имя. А ты знаешь, девушка, что блуд в столице запрещен?

Еле сдержалась. Пепельная корка, скрывшая магию, не шелохнулась.

– Моя сестра не блудница, фьерр! – встрял смелый пастушонок.

– Сестра? – вздернулась черная бровь Миара.

– Двоюродная. Я ее сопровождаю к брату.

– Она что, немая?

Я шепнула еле слышно:

– Нет, фьерр.

– Тогда скажи-ка, барышня Айрани, откуда у тебя наш сельт?

Мама, я пропала! Но кто ж знал, что они узрят свое оружие даже сквозь кожу сапожка, прикрытого еще и юбкой? Вейриэны так же хранят от меня свои секреты, как и я теперь свои от них. Надо сказать, у них получается лучше. Ведь я еще месяц назад доверяла им безоговорочно.

Теперь не выкрутиться. Или... Хорошо, что я о матушке вспомнила. Я же дочь риэнны Хелины, королевы лжи. И, если хочу когда-нибудь стать игроком, а видят боги, я этого страстно хочу, то должна и проигрыш сделать кажущимся.

Я приподняла низко опущенную голову, сделав взгляд печальным-печальным. Глаза, наверное, тоже стали пепельными.

– Его оставил нам воин, – шепнула, робко глядя из-под ресниц на чрезвычайно заинтересованного – аж глаза вишнево светились – Миара.

– Имя?

– Не доложил. Он оставил этот нож в груди моего отца.

А хорошо бы, подумалось мельком, Азархарту это не понравится.

Миар ошеломленно моргнул.

Сколько все-таки скрывается в человеке... и маге... неожиданных талантов, если загнать его в угол.

– Как он выглядел? – поинтересовался Миар.

– Отец? Плохо. Как мертвый.

– Его еще можно было спасти. Но меня интересует, как выглядел тот воин?

– Не разглядела. Было очень страшно, я спряталась. Это случилось в ночь Святых Огней. Ах, фьерр, но как же спасти отца, если его забрали темные? Он был не очень хорошим человеком, да помилует его Безымянный. Палачом по велению души. И вот... остался только нож. Я так и думала, что надо его вернуть благородным рыцарям.

Я вытащила из-за голенища сельт и протянула, держа двумя пальчиками за рукоять. Вейриэн взял, покрутил в руках, внимательно рассматривая. Риск, что Миар не поверит мне, был. Но в ту ночь творилась такая неразбериха, что могло произойти все, что угодно.

– Странно, но этот нож не знал крови. Пойдем-ка с нами, девушка, расскажешь подробности.

– Так мой отец уже был трупом, когда его пригвоздило вот этим ножом, – мигом выкрутилась я. – Но он шевелился. Я тогда такого страху натерпелась! Отпустите, пожалуйста. Что плохого я сделала? Я же вернула вам нож.

– Оставь девицу, Миар, – раздалось из-за спины. – Не за этим мы здесь.

Я чуть повернула голову.

Вот очень-очень интересно, зачем они здесь. Но вейриэны не проболтались.

– Поищите другое пристанище, – посоветовал он. – В этой гостинице нет свободных комнат.

Не одна я тут наглым враньем занимаюсь. Впрочем, та комната явно уже несвободна. И кого же они там караулят? Уж не меня ли? А это значило, что граф Олор раскололся либо какой-нибудь «ветер ущелий» подслушал наш разговор и узнал, что королю Лэйрину зачем-

то понадобилось через шпионскую сеть моего камергера снять комнату в трущобах. И теперь они меня тут караулят, чтобы поймать с поличным. И у них почти получилось, что обидно!

Ну, ничего, у меня есть и запасной вариант. Все-таки не зря боги мне послали этого пастушонка.

– Что же мне делать? Меня тут будет искать брат, – заломила я брови умоляющим домиком. – Могу я передать записку для него?

Миар, переглянувшись с товарищем, снисходительно улыбнулся:

– Милая барышня, мы не почтовые гонцы. Но ты можешь оставить записку хозяину гостиницы, он передаст.

«Что и требовалось!» – возликовала я. Но соваться в дом, где наверняка засел Таррэ, мне совсем не хотелось.

– Как хорошо, что я заранее позаботилась о письме, на всякий случай! – выдохнула я с облегчением. – Канис, будь другом, отнеси этот пакет хозяину, пусть отдаст его Огасту Зарини. И скажи на словах, что я лучше поищу пристанище в приюте святой Вассары, а в этот дом я идти... – слово «боюсь» никак не хотело выдавливаться из горла, но это и не понадобилось. Сообразительный пастушонок подмигнул, взял пакет, серебряную монетку, слетел с коня и под присмотром бдительного Миара скрылся в доме.

Через пару минут он вышел один и не с пустыми руками.

– А братец тебе тоже письмецо оставил! – весь такой радостный, словно и впрямь родственник.

Ответный пакет он не стал прятать, и правильно. Нам тут скрывать нечего. Я тоже не стала. Распечатала под внимательным взглядом вейриэна, даже вслух зачитала: мол, пишет нам брат, что у него служба идет неплохо, вот только взбалмошный Красильщик отправил весь его отряд на посевную, и встретить любимую сестрицу Огаст не может, но снял для нас комнату в хорошем частном доме (адрес я пропустила) и так далее.

– Наверное, будет неправильно врываться туда ночью, Канис, – я свернула письмо. – Что о нас подумают? Потому все-таки едем в приют.

– Сразу надо было туда, я же говорил, – проворчал мальчишка, вжившийся в роль как заправский лицедей.

Если я надеялась, что вейриэны оставят подозрительных паломников в покое, то была глубоко разочарована.

– Я провожу вас, барышня, – приказным тоном сообщили мне. – Во избежание случайностей.

Вот чем занимаются мои телохранители по ночам, пока я дичаю от одиночества в своих убежищах и ставлю на себе магические опыты. Девушек провожают!

По счастью, в приют высшего мастера не пустили, но он все-таки сунулся. «Демон?! Кыш-кыш! Как посмел!» – наорали на него слетевшиеся коршунами монашки.

На прощанье я отдала Канису честно заработанный кинжал, с инкрустированной махоньким рубином рукоятью. Он отнекивался, но какой мальчишка устоит против хорошего оружия? Я бы тоже не устояла.

Еще четверть часа расспросов сестер святой Вассары, и мне показали общую комнату, битком набитую паломницами. Но первым делом я попросилась в уборную, дождалась, пока меня оставят одну, выскользнула, прошла по пустому коридору, прислушиваясь к доносившемуся бормотанию за дверями и отомкнула шпилькой навесной замок какой-то кельи. Это оказалась кладовая, набитая хламом. В лицо пахло запахом воска и плесени.

Можно было уйти и прямо из уборной, воспользовавшись горевшей там масляной лампой, но туда в любой момент мог кто-нибудь заглянуть, заметить свежий магический выплеск и связать с моей персоной. Среди прислужниц инсейской религии, прочно обосновавшейся в цивилизованных странах Эальра, наверняка прятались магини. И ведь не проверишь их моей

«охрой». Церковь Безымянного, вездесущей грибницей проросшая в тело государства, плевать хотела на молодого короля, особенно после объявления таможенной войны. Я не собиралась вечно утираться, но ни сил, ни знаний, ни времени катастрофически не хватало. Все-таки я лишь месяц как монарх.

Я зажгла свечу и ушла в Жасминовую башню.

И только там развернула полученное письмо, подцепила уголок булавкой и сняла с него верхний слой. В замаскированном конверте лежала гербовая бумага, ради которой и было все затеяно. С королевскими и, главное, храмовыми печатями. Я проверила их подлинность сорвавшимся с ногтя крохотным огоньком. Не фальшивка. Или такая, что выглядит подлиннее, чем оригинал. Новый главарь гильдии мошенников меня не подвел. А вот я его...

В конверте, переданном хозяину постоянного двора, была плата за документ – перстень из тайных запасов Роберта, неизвестных казначейству и обнаруженных мной в башнях. Но теперь в их оправках были особенные, усовершенствованные мной рубины, как и на кинжале, припрятанном Канисом подальше от чужих глаз. Сотканые из огня фальшивые камни, которые ни один ювелир не отличит от настоящих. Окаменевшее пламя.

Если главный мошенник королевства, скрывающийся под кличкой Архивариус, не постесняется надеть перстень, я узнаю и его личность, и тайные сделки. Еще неизвестно, кто тут у нас самый главный мошенник.

Из-за вейриэнов все пошло не так, как планировалось. Я должна была изобразить постоянщицу, спустившуюся из комнаты, спросить оставленный для меня пакет (об этой части сделки граф Олмор не мог знать, я провернула ее через барона Анира) и отдать хозяину-посреднику плату, после чего исчезнуть в той же комнате. Но ведь все получилось!

Все это время я не выпускала из внимания рубиновую искру на кинжале Каниса: не хотелось бы, чтобы с мальчишкой что-нибудь случилось. Вейриэн Паэрт перехватил его у приюта, как я и подозревала. И мальчишку быстро довели до полуобморочного состояния. Но рассказать он моим телохранителям ничего не мог. И хозяин постоянного двора тоже. Причем ушлый старик сумел спрятать перстень (еще бы, Архивариус с него голову снимет, если плату потеряет) и показал мое совершенно невинное письмо допросившему его Таррэ.

Но неумное любопытство белых воинов раздражало. Какого дьявола!

Я с трудом отмыла «охру» с ладони, переделалась в штаны, рубашку и камзол, вернула себе внешность зеленоглазого и черноволосого короля Лэйрина и заявила во дворец посреди ночи.

Глава 5. Тайное воинство

В королевской спальне даже стены заиндевели – такой холод тут стоял. Точнее сказать – лежал. Посреди роскошного ковра громоздился сугроб и посапывал, уткнув нос в сложенное домиком крыло. Вместо кошки мои покои облюбовал в качестве своих снежный дьявол Эльдер. В тепле сугроб слегка подтаял, и по ковру расплывались неопрятные подтеки. Вот не понимаю, почему ласху, этому воплощенному северному холоду, не ложится на каменных плитах в уголке. А мне после него просушивай ковры, чтобы плесень не завелась. Не король, а служанка.

Почувствовав мое появление, Эльдер приподнял морду, лениво моргнул сонными глазами и зевнул во всю пасть, блеснув огромными ледяными клыками.

– Что случилось, ваше бессонное величество? Не спится?

– Эльдер, а как тут без меня поживают мои заклятые друзья из белого воинства?

– Никого из их четверки нет во дворце. Наши за ними присматривают.

Чудесно. Соглядатаи за надзирателями. Вот так и живем.

– И где же мои телохранители изволят шастать?

Голова снежного дракона мигом взвилась во всю длину шеи и едва не уперлась гребнем в свод. Эльдер пыхнул мерцающими радугами, улетевшими роем в открытое окно, прислушался к чему-то.

– Таррэ и Миар засели на постоянном дворе «Хромой осел». Близко мы подойти не можем – засекут. Паэрт болтает с неизвестным мальчишкой, а переодетый монашкой Онис втихаря осматривает приют святой Вассары. Кого-то ищет.

Я попыталась представить черноглазого, аристократичного, сиятельного Ониса, обладавшего утонченным лицом и свирепым характером, шныряющим по приюту в синем монашеском балахоне и заглядывающим под одеяла паломниц. Весело там, должно быть. Но... А ведь присутствия ласхов у той гостиницы я не почувствовала! Впрочем, если даже высшие мастера не заметили слежки, то куда мне. Или сделали вид, что не заметили?

– Ваше драгоценное величество, – заговорщически зашептал ласх, – а не воспользоваться ли нам их отсутствием, раз вы все равно не спите? Такой случай нельзя упускать!

– Подожди, туда мы еще успеем. Я тебе сейчас кое-кого покажу, пока мои тюремщики заняты, а ты скажешь, над чем мне еще надо поработать.

И ушмыгнула в Жасминовую башню через камин. Там я быстренько накинула на свой фантом такую же фантомную одежду, потренировалась пару минут с иллюзией дыхания и заявила со своей полной копией пред ясны очи Эльдера.

О! Вот такого эффекта я и добивалась!

Глаза изумленного снежного дьявола едва уместились на его морде. Он даже дышать забыл.

– Ну и как он тебе? – я взъерошила черные волосы фантома, испытывая материнскую гордость. Заставила его повернуть ко мне голову и улыбнуться. Так, над мимикой надо еще поработать. Вместо задуманной снисходительной улыбочки получился зверский оскал.

Из камина выскользнула огненная гончая Дорри – неугасимое творение короля Роберта – обошла вокруг нас, приняхиваясь и приглядываясь, уселась напротив, вынудив Эльдера захлопнуть разинутую пасть и отступить с ковра, и чисто по-человечески склонила голову набок, как бы оценивая.

И тут я сама испытала шок. Мой фантом самопроизвольно, без участия моей воли, поднял руку, точно таким же жестом, как я только что, по-хозяйски поворошил мои волосы и спросил у Дорри с той же горделивой интонацией:

– Ну и как он тебе?

Огненная псина, глухо взрыкнув и оскалив клыки, бросилась на фантома. Неуправляемое создание спряталось за мою спину. Эльдер попытался взлететь и достать обоих взбесившихся фантомов и чуть не раздавил меня. А ложе точно раздавил, махнув хвостом. Столбики, державшие балдахин, рухнули. Полог накрыл и мою копию, и вцепившуюся в его ногу Дорри, и свечу. Ткань загорелась. Снежный дракон обжегся, взвыл, шарахнувшись в сторону. Тряпка, прицепившаяся к когтю, метнулась за ним. Прощай, туалетный столик, кресло и ширма.

Я погасила начавшийся пожар, отползла в уголок, сосредоточилась и развеяла свой фантом, на создание которого убила столько сил и времени.

– За что-у-у? – всхлипнул он, рассыпаясь искрами.

Мне тоже было смертельно обидно за свой труд и бессонные ночи.

Дорри тут же, не дожидаясь, когда я опомнюсь, с виноватой мордой шмыгнула в камин.

– Что это было, ваше потрясающе двойственное величество? – прошептал Эльдер, оторопело оглядывая учиненный им же разгром.

– Неудачный эксперимент, – я приподнялась, села, потирая ушибленные места. Полуоторванный кружевной манжет на рубашке не прибавил настроения. – Кто-то перехватил власть над моим фантомом, вот что интересно. Он действовал не по моей воле.

– А в башне так же себя вел?

– Нет, был нем и недвижим, как мертвые боги. Это же фантом!

– Дорри тоже – лишь видимость собаки, но вредничает как живая, – пожаловался мой друг. – Особенно когда никто не видит. Пытается меня с моего любимого коврика согнать, жадина.

В камине возмущенно фыркнули угольки.

– Твоего? – подняла я бровь.

– Нашего! – примирительно уточнил дракончик и поспешил вернуться к теме. – Значит, что-то оживило ваше огненное отражение только здесь, за пределами защиты убежища. Я бы решил, что фантомом двигала душа Роберта, но тогда Дорри не набросилась бы. Она вела себя так, словно появился чужак. Причем не в первый миг появился, а когда вы прикоснулись к нему.

Угли в камине пошевелились, издав утвердительное ворчание. Все-то она понимает, эта дивная огненная псина, несущая в себе отпечаток воли ее творца.

– Я не сержусь, Дорри, – вздохнула я. – Спасибо тебе.

Лучше было помолчать. Обрадованная гончая вылетела пламенным гейзером, сбила меня с ног и... нарычала на открытое окно.

– Что там, Эльдер? – я попыталась отпихнуть псину, решившую вдруг, что мне угрожает сквозняк.

– Ничего, – ласх поземкой скользнул, принялся. – И никого. Я не чувствую опасности.

От окна, за которым ничего не наблюдалось, кроме неба с бледными звездами, раздалось скромное покашливание.

– Я тут, – сказал невидимка. – Простите за вторжение, ваше величество. И за неуместную шутку. Это я на радостях.

При первых же звуках чужого голоса между мной и оконным проемом выросло две стены: огненная и ледяная. Дорри, потеряв собачий облик, окружила меня кольцом пламени, как будто у меня собственного нет. Эльдер обвился вокруг на расстоянии локтя от первого кольца. Удивительное единодушие двух противоположных стихий. И как они друг друга не уничтожили?

– Покажись и назовись, – приказала я невидимке.

– Мое имя – Тайлиен, сир. Но показаться я не в состоянии, ибо бесплотен. Я, простите мне мое далекое от вежливости состояние, всего лишь дух.

– Тайлиэн? Что-то знакомое.

– Я имею честь состоять с вами в родстве, ваше величество. По линии вашей матушки, леди Хелины. Я брат вашего прадеда.

– Так это вы забрались в тело моего фантома?

– Не смог удержаться, – покаянный вздох. – Это было выше моих сил – увидеть бездушную, никем не занятую плоть, почти человеческую...

– Это была моя «почти плоть»!

– О! – удивленный вздох. – Простите великодушно, сир. Я... не разобрался. Я так давно бестелесен! У леди Хелины не хватало сил дать мне вторую жизнь во плоти, она смогла лишь выпустить меня на земной план бытия. По ее просьбе я и осмелился явиться.

– Причем без стука и тут же меня ограбить! – не нравился мне этот родственник. Да и верить всяким духам... И ведь чувствую, что лукавит, как сто темных владык! Это имя действительно имелось на родовом древе. Как я помнила, брат прадедушки Тайлиэн Грахар, погиб в довольно юном возрасте, не основав собственный дом и не оставив детей. Но это еще ничего не значит. Кто угодно мог назваться этим именем, пойдй проверь. – И где сейчас моя матушка?

– Уже почти два месяца, как пропала, – сообщил он давно известный факт, душераздирающе вздохнув. – Не могу точно сказать, где она сейчас, но догадки ужаснейшие. И сделать ничего не могу! Даже ее последнюю просьбу не мог так долго исполнить.

– И что же мешало?

– Как что?! Ваши телохранители! Этот Таррэ! Пока вы тут, во дворце, были, он ни на миг не оставлял вас без надзора, тайного и явного. А вейриэнам, при всем моем к ним почтении, ни к чему знать то, что я должен вам сообщить. Не их дело вмешиваться в дела лордов!

Все подозрительнее и подозрительнее. С чего бы горному духу рода Грахар, если это действительно он, бояться воинов Белогорья?

– Ну так говори поскорее о деле, пока они не вернулись. Только прежде... как я могу удостовериться, что ты именно тот, за кого себя выдаешь?

Дух помолчал, подумал, выдал шепотом:

– А ведь пока никак. Ваш дар риэнны заперт.

Риэнны! Одно слово, а столько сказано...

– Эльдер, отойди, – сквозь зубы процедила я. – Ты можешь пострадать случайно.

Ледяная прозрачная стена просела, но совсем с линии удара не убралась. Ну, пусть потом не обижается. Дух торопливо забормотал:

– Но я могу напомнить такие вещи, какие знали только духи нашего рода и больше никто. Вы хранили в шкатулке со сломанными солдатиками перо райской птицы, помните? Оно потом исчезло, когда наша риэнна перестала поддерживать сотворившее его заклинание. Я присматривал за вами, вместе с другими духами. Я помню даже ваши ходы в шахматной партии с Дигеро. Вы играли белыми, и ваш первый ход был пешкой королевы. Нам было запрещено вмешиваться без крайней необходимости, чтобы вы не узнали о нас прежде времени. Я присутствовал невидимым на всех семейных советах, следил за вами в кладовой, когда Рагар убил предательницу Сильвию. А ведь она готова была вас выдать! Вы верите мне, Лэйрин?

– Допустим. Дальше.

– Леди Хелина в смертельной опасности, но я точно знаю, что она еще жива. А ведь я ее предупреждал! Умолял!!! И дэриэны Амель с Гиртом, ваши бабушка с дедушкой, ее умоляли! Но она почему-то решила, что в Северной Империи сможет укрыться. О, если бы мы могли ее остановить! – невидимый дух опять издал столь горестное стенание, что мурашки пробежали не только по моей спине, но даже по шкуре Эльдера, вздыбившего ледяную чешую. А огненное кольцо Дорри взъерошилось, как куст чертополоха.

– Да скажешь ты, в конце концов, что случилось с мамой?

– Ее захватил Азархарт, – шепнул дух на пределе слышимости. – Она успела лишь отправить меня к вам с этим известием.

Я похолодела от ужаса. Но с подозрением прищурилась на арку окна, откуда доносился голос.

– Почему именно тебя? Почему не мою бабушку или дедушку?

– Они же были воплощенными дэриэнами, отягощенными плотью. И в тот миг наша риэнна их развоплотила, чтобы они не попали к темному владыке вместе с ней. А процесс развоплощения весьма мучителен даже для духа. Это такое страдание, что мы теряем разум на некоторое время. Потому она отправила меня, невоплощенного. И велела передать следующее: «Не верь ни одному слову Азархарта, дитя мое. Он попытается заманить тебя в ловушку, будет шантажировать, но ты не поддавайся. Не вздумай искать меня и тем более, освобождать. Даже если я сама буду просить тебя потом – не верь. Это буду уже не я. Помни, что я люблю тебя, Лэйрин, и твоя безопасность превыше всего».

– Это все?

– Все.

– Исчезни.

Ответом стало молчание. Я подождала пару минут. Ничего не происходило. Неужели и правда исчез?

Дорри обрела привычный собачий вид и прижалась к моей ноге. Эльдер тоже расслабился, распушился – вместо ледяной чешуи оброс подобием мягкой снежной шерсти. Что-то новенькое в репертуаре многоликого ласха. Явно на ласку напрашивается. Даже холодный нос не побоялся сунуть под мою горячую руку.

– И что мне теперь делать? – мои ладони зарылись в иллюзорную шерсть, с одной стороны – в пламенную собачью, с другой – в морозную дракошачью. Интересное ощущение. Вот так меня и разрывают противоположные чувства.

– Как что? – встрепенулся мой необъятных размеров дракош, любитель мягких ковриков, варенья и радуг. – Улепetyвать отсюда поскорее! Таррэ снимает наблюдение с той подозрительной ночлежки, скоро будет здесь. Долго ли им домчаться... А у нас еще дел неуворот! Мы столько ждали! Когда еще будет такой удобный случай, ваше растерянное величество? Вот там и подумаем, что делать со всем этим, – он горестно покосился на творившийся вокруг хаос.

– Тогда полетели.

Растерянность и величие – несовместимы, думало мое морально раздавленное величество, устраиваясь на спине снежного дракона.

Эльдер вихрем вылетел в окно, а я едва не свалилась с него наземь. Голова закружилась не от скорости, я уже привыкла к своему личному ездовому бурану. Мне было тошно от понимания того, что слежка за мной была непрерывной, с рождения, что кто-то подсматривал, как я мочилась в уборной или ребенком крала сухари на кухне, готовясь к бегству. Меня душила ярость от того, что опять кто-то пытается сыграть мной втемную, как неразумной пешкой.

Но я король. Я не могу позволить себе многого и особенно – быть наивной дурой.

Вряд ли дух, назвавшийся именем Тайлиена – темный, как я заподозрила поначалу. Самопожертвование Роберта защитило Гардарунт от прихода Темной страны и ее исчадий. Так утверждал белый мастер Таррэ, и хочется в этом ему верить. Если даже не навсегда защитило, то на мой короткий век хватит. На те оставшиеся одиннадцать месяцев, пока не завершён связавший нас с Робертом ритуал айров.

И второе – столько деталей не мог знать чужак. О перышке в шкатулке я никому не говорила. Эту сокровенную детскую тайну могла знать мама. И духи рода, вполне. Но ее «послание» слишком не вписывалось в тот образ королевы Хелины, который я помнила. С другой стороны, она точно жива. Иначе ее смерть освободила бы во мне запертый дар риэнны.

Третье. Даже Белый Совет не может напрямую приказывать духам родов. И тем более темный владыка. Только риэн или риэнна рода. Наверняка они и хранят их от власти темных. Чужой приказ дух не станет выполнять. А вот живого человека, даже мага, Азархарт мог при-

нудить. Может ли мама быть в плену и приказывать духу то, что желает темный владыка? И намеренно говорить его словами? Королева Хелина ни за что не стала бы сообщать мне, что попала в ловушку, чтобы у меня и мысли не возникло! Она ставила превыше всего не мою жизнь, а безопасность Белогорья. И в первую очередь отправила бы гонца к белым воинам: стражи должны первыми узнать об угрозе стране духов. А Тайлиен от них скрывался. Вейриэны не знают еще ничего. Если бы знали, то Таррэ держал бы меня за горло куда плотнее, чем он делает это сейчас. Я бы на его месте меня похитила и заперла в Белых горах. Или убила бы.

Итак, мама у Азархарта. Хелина говорила духу под диктовку и намеренно не исправляла ни слова, чтобы я поняла: это «послание» – не от нее. Плохо, если владыка узнал о том, что я – девушка. Бесценное сокровище для Темной страны. Отмычка к Белогорью. И, как никто не спрашивает у стрелы, хочет ли она убивать, меня тоже никто не спросит. Мой двойной дар – «огненной крови» и хранильницы рода – оружие, которым темные сокрушат мир. Тогда Белые горы станут Черными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.